А.П.Богданов

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИГНАТИЯ РИМСКОГО-КОРСАКОВА.

Игнатий Римский-Корсаков, представитель прославленной на Руси фамилии композиторов, долгое время не привлекал серьезного внимания ученых. И сейчас этот яркий публицист, историк, композитор, переводчик, деятель церкви,возглавивший в последние годы жизни Сибирскую митрополию, остается в тени. Контраст между представлениями об этой незаурядной творческой личности, полученными в результате последних исследований, и традиционными оценками столь разителен, что настойчиво возникает вопрос, как такое могло получиться. Вопрос не праздный, ибо он касается многих поразительных случаев полузнающего забвения выдающихся представителей русской культуры и науки. Достаточно вспомнить М.В.Ломоносова-ученого, открытого,по существу, лишь в конце прошлого века. Попробуем проследить, как же шло в науке накопление сведений о жизни Игнатия Римского-Корсакова и о его сочинениях, которые собственно являются для творца важнейшими фактами биографии. Для этого придется обратиться к весьма отдаленным временам.

Первый шаг в изучении творчества Игнатия сделал Н.И.Новиков. Он указал, что "Игнатий, архимандрит Новоспасского монастыря в Москве, сочинил историческое известие о путешествии своем в Костромской и Кинешемский уезды 1687 года, также сочинил Слово о Российском царствии 1690 года (имеется в виду рукопись БАН, П.I.А.10/16.6.8. А.Б.). О протчих его сочинениях известия нет"[1]. Но уже во втором издании Древней Российской Вивлиофики (ч.XIУ, ХУI, М., 1790, 1791) был опубликован большой фрагмент

из 3-го окружного послания Игнатия, митрополита сибирского и тобольского (1696), повествующий о новгородских еретиках и полемике против них Иосифа Волоцкого.

Новые сведения о жизни Римского-Корсакова, по сей день почти без изменений бытующие в историографии, сообщил Евгений Болховитинов. "Игнатий, митрополит сибирский и тобольский, - писал он, - из дворянского рода Римских-Корсаковых, был прежде стольником при государе царе Алексее Михайловиче, а потом принял монашество в Соловецком монастыре, и с 1677 г. был там екклесиархом, или уставщиком церковным, а в 1685 г. посвящен в архимандрита московского Новоспасского монастыря". 30 апреля 1692 г. Игнатий был хиротонисан в митрополиты сибирские и тобольские и прибыл в епархию 12 февраля 1693 г., "а в 1701 г., испросив увольнение, переехал на покой в московский Симонов монастырь и того же года маия 13 там скончался". Помимо "Исторического известия о Российском царствии", Евгений указывает в числе его сочинений отмеченное Новиковым "Историческое известие" о увещевании раскольников в Костромском и Кинешемском уездах (1687 г., по рукописи БАН, 16.16.7), три окружных послания митрополита Игнатия (по спискам "патриаршей библиотеки", ныне в РНБ, Соф.123 и СПб ДА 164) и его Житие Симеона Верхотурского ("в Верхотурском монастыре")[2].

В.М.Ундольский опубликовал "Предисловие к Ирмологию", написанное Игнатием по поручению соловецкого архимандрита Макария, со сведениями о Соловецком восстании (М., 1846). В 1855 г. "Послания" Римского-Корсакова, точнее - обширный трактат в форме посланий, написанный против раскола в Сибири, был целиком опубликован[3]. Филарет Гумилевский, повторив биографические сведения Евгения, подробно рассмотрел эти послания и расширил круг сочи-

11* - 112

нений Игнатия "Словом воинству" (1687, по рукописи РГБ, ОИДР 241), митрополичьими грамотами (опубликованными в АИ, т.У, №№ 243, 247, 248, 290) и "двумя назидательными грамотами в Соловецкий монастырь", которые с тех пор не обнаружены[4].

Филарету, видимо, не была известна написанная раньше (в 1835 г.), но опубликованная значительно позднее работа П.М.Строева, указавшего хорошие списки "Посланий" (РНБ, Соф. 123 и БАН, Арх. 290) и "Слова воинству" (БАН, Арх. 201 и в библиотеке Флорищевой пустыни[5]). Строев расширил список трудов Игнатия еще двумя произведениями: "Свидетельством ко образу... Софии-Премудрости слова божия о Российском благословенном царствии" (по рукописи БАН, Арх. 201 и РНБ, Соф. 1504) и "донесением" Римского-Корсакова и Кариона Истомина о следствии над Симеоном, митрополитом смоленским, к которому они были посланы Иоакимом в начале 1685 г. (ГИМ, Син. 286, л.27-39). Последнее было описано Строевым в статье об Истомине и потому, наверное, не привлекло внимания исследователей творчества Игнатия[6].

Не повезло и биографическим сведениям об Игнатии, приведенным П.М.Строевым в "Списках иерархов". Помимо известных уже фактов автор сообщил здесь, что до своего утверждения в Новоспасском монастыре, Игнатий был в 1683-1684 гг. архимандритом известного Спасо-Ярославского монастыря. Именно с этой должности он 7 сентября 1684 г. был переведен в архимандриты новоспасские. Позже, оставив митрополию, Римский-Корсаков отнюдь не обрел "покой" в Симонове монастыре, но в качестве сумасшедшего был 23 марта 170- г. схвачен и заточен в патриаршей хлебне, затем брошен в темницу Чудовского монастыря, а оттуда переведен в симоновские подклеты, где и скончался 13 мая[7].

Во второй половине XIX в. интерес к деятельности Игнатия Римского-Корсакова постепенно возрастал. Тобольскому периоду его жизни была посвящена заметка Н.А.Абрамова; впрочем, она почти не содержала новых сведений[8]. В.О.Ключевский указал, что "Сказание о св. Симеоне Верхотурском" состоит из нескольких разновременных частей: первая, об открытии мощей в 1694 г., принадлежит митрополиту Игнатию, который в этом событии был главным действующим лицом; рассказ о чуде 1696 г. написан чиновником Игнатия; последующие чудеса писались священниками села Меркушкина[9]. Н.П.Барсуков указал на еще более сложный состав посвященного Симеону сборника (РГБ, Унд.375), включающего тропарь и кондак, и на существование акафиста Симеону (ГИМ, Барс.222)[10]. Ранее ученый подготовил публикацию другого тематического сборника (по рукописи РГБ, Беляева 29/1535), включающего "Житие патриарха Иоакима", "Послание к архиепископу Афанасию", "Духовное завещание Иоакима"[11] и серию эпитафий ему. Авторство этих сочинений Н.П.Барсуков не установил[12].

Вскоре ученые познакомились еще с двумя сочинениями Игнатия, опубликованными харьковским любителем старины А.Лебедевым по принадлежавшей ему рукописи XVII в. Авторство "Возобличения на лютеранский катехизис" указывалось в заглавии, второе - "Слово на латин и лютеров" - было приписано Лебедевым неизвестному автору, обличавшему Ф.Лефорта уже после свержения царевны Софьи в 1689 г. (т.к. она не упоминается вместе с двумя царями)[13]. Однако Д.Цветаев указал на другой список "Слова на латин и лютеров", сделанный "97 (1689) году августа в 5 день по указу преосвященнаго Афанасия архиепископа колмагорскаго и важескаго", причем была "сия книга списана новоспасскаго монастыря у архимандрита у Игнатея Корсакова его архиерейским келейным иждивением" (БАН, Арх.202,

л.I). Исследователь аргументированно датировал "Слово" 1684-1685 гг., показал, что оно было обращено к В.В.Голицыну и заключил, что "судя по характеру произведения, оно принадлежит перу Игнатия"[14].

Итог длительной работы по накоплению сведений об Игнатии Римском-Корсакове попытался подвести И.А.Шляпкин[15]. "Стольник при царе Алексее Михайловиче, в 1677 году он постригается в Соловках", - писал ученый о нашем герое. В 1682 г. Игнатий объявляется в Москве в должности "строителя Соловецкого монастыря московской службы" и описывает церковь вместе с патриаршим казначеем Тихоном Макарьевским[16], в 1685 г. он становится архимандритом новоспасским, в 1692 г. - митрополитом сибирским и тобольским. В работе И.А.Шляпкина Римскому-Корсакову приписывается 10 произведений. Это упомянутые выше "Послания", "Историческое известие о Российском царствии", "Историческое известие" об увещевании раскольников в Костромском и Кинешемском уездах, "Слово воинству", "Свидетельство ко образу"[17], "Возобличение на лютеранский катехизис" (они рассмотрены автором по известным рукописям и публикациям), "Житие Симеона Верхотурского" (приписанное Игнатию целиком по сборнику РГБ, Унд.375), "Житие и завещание патриарха Иоакима" (весь состав опубликованной Н.П.Барсуковым рукописи), а также "Житие Анны Кашинской" (довольно известное к тому времени в литературе, но упомянутое только по описанию А.Ф.Бычкова[18]).

Небрежность атрибуции сочеталась в работе И.А.Шляпкина с тенденциозностью оценок. Римский-Корсаков, по убеждению автора, был клевретом патриарха Иоакима - следовательно, противником излюбленного Шляпкиным Дмитрия Ростовского. Раз так, ученый не по-

жалел для Игнатия черной краски: судя по монографии, главной сферой деятельности Римского-Корсакова было доносительство. Нужно сразу сказать, что подобные обвинения не имели оснований. "У него в Новоспасском монастыре жил Белободский с монахами Козловским и Кудридским, - писал И.А.Шляпкин, - на коего, кажется, он донес патриарху". Но упомянутый в известной челобитной Павла Негребецкого (на которую здесь дается ссылка) строитель Спасского монастыря, судя по контексту, менее всего мог быть доносчиком. Ученый явно мистифицировал читателя, поскольку донос на Белободского был подан 18 мая 1681 г., за много лет до того, как Игнатий (по мнению самого Шляпкина) появился в Новоспасском монастыре. К тому же Шляпкину было известно, что "дело" Я.Белободского вел высоко и справедливо ценимый им Сильвестр Медведев, лично написавший обширное обличение "еретика"[19].

Так же неверно, что "в 1690 г. он (Игнатий. - А.Б.) подает донос на Маркела, митрополита псковского (и изборского. - А.Б.), обвиняя его в ереси". И.А.Шляпкин писал несколькими страницами выше, что Маркел выступил в споре о пресуществлении св. даров на стороне Медведева, Лазаря Барановича, Иоанникия Галятовского, Дмитрия Ростовского и др. Их мнение было объявлено Иоакимом "еретическим" еще в 1688-1689 гг., так что год спустя Игнатий мог полемизировать лишь с одним из "ведомых" противников патриарха; именно такой спор и упоминает Патрик Гордон, на которого сослался ученый[20]. Обвинению Римского-Корсакова не может служить и то, что он "поддерживал Иоакима, допрашивал дьякона Иакова в деле Шакловитого, усовещал несчастного Медведева", то есть участвовал, в составе большой группы церковных иерархов (о чем Шляпкин умалчивает) в следствии над священнослужителем, не подлежавшим светской юрисдикции, и богословском споре с Медведевым (к поли-

тическому преследованию которого был совершенно непричастен).

"Восхваляя Софью в толковании образа Софии и В.В.Голицына в Слове на поход, - продолжает "обличение" Игнатия И.А.Шляпкин, - он потом является самым горячим их противником в Житии Иоакима". Однако сам ученый поддержал атрибуцию Римскому-Корсакову "Слова на латин и лютеров", оспаривавшего мнение Голицына, когда тот достиг наивысшей власти. В то же время ученый не случайно постарался приписать Игнатию "Житие и завещание" Иоакима в целом, ибо выпады против павшего правительства регентства сосредоточены в "Духовном завещании", которое, как увидим, не принадлежало Римскому-Корсакову.

"Сомнительно было и дело об Анне Кашинской", - замечает И.А.Шляпкин после того, как сам приписал перу Игнатия ее житие, об авторстве которого ясно сказано в записи на л.I списка ГИМ, Син.622: "В 186 (1677) году патриарх Иоаким сей книзе - лживое списание о Анне Кашинской, сложение кашинского попа с причетники и своими сродники - указал быти в своей ризной казне впредь для спору"[21]. "Спор" произошел в том же году на освященном соборе, рассмотревшем следственное дело и утвердившем акт деканонизации Анны Кашинской[22], так что датировать ее житие 1690-ми годами и тем более приписывать его перу Игнатия нет оснований.

Однако, несмотря на очевидную тенденциозность рассуждений И.А.Шляпкина, его оценки имели долгую жизнь, поскольку до последнего времени это был единственный опыт обобщения деятельности Римского-Корсакова (не считая статьи в Русском биографическом словаре, автор которой, повторив о основном сказанное Шляпкиным, указал, что в 1680 г. Игнатий жил на соловецком подворье в Москве, управляя Моргуловской пустынью монастыря, и отметил столкновение митрополита Игнатия с местными властями, вызвавшее вмеша-

тельство центрального правительства в 1697 г.[23]).

И.А.Шляпкиным были учтены не все известные тогда материалы об Игнатии. Между тем они продолжали прибывать. Опись книг митрополита Игнатия, оставшихся в Тобольске после его отъезда в Москву в 1700 г. (много рукописей он уже разослал по монастырям.-А.Б) ввел в научный оборот Н.Н.Оглоблин[24]. При издании Сибирских летописей В.В.Майков указал еще одно сочинение Римского-Корсакова - послание восставшим против воевод жителям Красноярска от 18 марта 1697 г.[25]. В.Вешняков полностью опубликовал начатый Игнатием (и продолженный другими лицами) цикл сочинений о св. Симеоне Верхотурском, а В.Бонч-Бруевич - "Увещание" раскольников[26].

Среди множества привлеченных И.А.Шляпкиным рукописей была одна, не вызвавшая должного внимания автора[27], но настороживщая Н.П.Лихачева. Независимо от указания Шляпкина, историк ознакомился с ней "в собрании старообрядца Овчинникова" (ныне в ГБЛ, Овчинникова 748) во время изысканий, связанных с "Генеалогией" рода Римских-Корсаковых, написанной, по его мнению, в самом конце ХУП или в начале ХУШ вв. Запись на овчинниковской рукописи гласила, что она была в июле 175 (1667) г. "внесена" в Крестомаровскую пустынь монахом Игнатием Корсаковым. Пострижение Игнатия, таким образом, датировалось десятилетием ранее признанного - если книгу подписал именно он, в чем Лихачев не был уверен, хотя и не знал иного Корсакова, Игнатия и монаха одновременно. В этой работе ученый впервые в научной литературе указал светское имя Игнатия - Иван Степанович - и с сожалением отверг возможность приписать ему авторство "Генеалогии", поскольку ветвь Ивана Степановича в ней не отражена[28].

Много лет спустя, Л.М.Костюхина в списке писцов ХУП в. ука-

зала еще две рукописи монаха Крестомаровской пустыни Игнатия 1667 и 1678 гг. (ГИМ, Син.214 и 306). Последняя дата указана неверно (надо – 7183/1674-75 гг.) – но в таком виде она должна была привлечь особое внимание, поскольку по общепринятой версии Игнатий уже в 1677 г. находился в Соловецком монастыре. Этого, однако, не произошло. Н.А.Дворецкая, публикуя отдельно "Послание митрополита Игнатия в Красноярск", вошедшее в Томскую редакцию Сибирского летописного свода, в своей статье полностью повторила мнение И.А.Шляпкина относительно фактов биографии, состава сочинений и общественно-политической позиции Римского-Корсакова, отметив дополнительно лишь его светское имя (согласно Н.П.Лихачеву) и вычисленный ею год рождения – 1639 (?).

Специально остановившись на обстоятельствах отъезда Игнатия в Сибирь после смерти патриарха Иоакима, исследовательница истолковала назначение его на высокий пост митрополита сибирского и тобольского как почетную ссылку. Среди ее причин названы "доносы, которыми не брезговал архимандрит Новоспасского монастыря", желание "светских и духовных властей удалить из Москвы влиятельного прежде священнослужителя, в котором ни царский, ни патриарший двор не могли видеть поддержку своим начинаниям. Игнатий, – по словам Н.А.Дворецкой, – активно выступал против царевны Софьи в деле Шакловитого (? – А.Б.), но в период, когда ее власть была сильна, прославлял ее и князя Голицына в "толковании образа Софии-Премудрости божия". "Слово на латин и лютеров" показывало отношение Игнатия к иностранцам – "некоему первосоветнику" царя Петра (намек на Лефорта)"[31].

Шагом к пересмотру подобных однозначных оценок публицистики Римского-Корсакова стало издание "Памятников общественно-политической мысли в России конца XVII века", включившее три неиздава-

шихся ранее сочинения Игнатия: "Слово благочестивому и христолюбивому российскому воинству" 1687 г. (по подносному экземпляру РГБ, ОИДР 241 и сделанному при участии автора списку 1689 г. для Афанасия, архиепископа холмогорского и важского, БАН, Арх.201); атрибутированное Игнатию "Слово к православному воинству о помощи пресвятыя богородицы" того же года (по авторскому подносному экземпляру ВСМЗ, В-5636/107); "Свидетельство ко образу... Софии-Премудрости слова божия о Российском благословенном царствии" 1689 г. (по автографу РГАДА, ф.257, № 237, л.243-248 и списку 1689 г. для Афанасия, БАН, Арх.201, л.73-86; копию с последнего см.: РГБ, Погод. 1549).

В предисловии к изданию были указаны еще два сочинения Римского-Корсакова: "Слово к православному и христоименитому запорожскому воинству" 1673 г. (ГИМ, Чуд. 299/301, л.355-359 об.) и составленный Игнатием сводный "Чиновник патриарших выходов и служб" за 1667-1679 гг. (РГАДА, ф.257, № 237, л.151-228), а также связанный с ним обширный летописный свод (ГИМ, Забел.263). Сопоставление "Слов" Римского-Корсакова с опубликованными и отмеченными в комментариях речами патриарха Иоакима (написанными Карионом Истоминым) заставило заключить, что внешнеполитические взгляды Игнатия, сформировавшиеся уже к началу 1670-х гг., коренным образом отличались от позиции патриарха и в главном совпадали с внешней политикой правительства регенства (1682-1689 гг.), которое он поддерживал как во времена могущества Софьи и Голицына, так и в самый тяжелый для них момент.[32] Свои взгляды Римский-Корсаков продолжал высказывать и впоследствии, несмотря на перемены при дворе. Более подробно внешнеполитическая позиция Игнатия, твердо и последовательно выступавшего проводником интересов российского дворянства, была проанализирована в специальной статье.[33]

Специальному исследованию подвергся летописный свод ГИМ, Забелина 263, составителем которого оказался самолично Игнатий. Начало работы над этим крупным историческим произведением прослежено в 1682-1684 гг. в стенах Спасо-Ярославского монастыря, где архимандрит Римский-Корсаков обнаружил интересные материалы вологодского летописания конца XVI - начала XVII в., отразившиеся в ростовско-ярославской традиции второй половины XVII столетия. Основные материалы свода были получены Игнатием во второй половине 1680-х - начале 1690-х гг. из патриаршего летописного скриптория. Первоначальная работа над текстом была закончена в Москве либо, что более вероятно, не ранее весны 1693 г. в Тобольске, где были найдены новые источники и текст продолжался новыми сведениями почти до конца века.

Тщательное изучение источников свода и работы над ними Игнатия показало значение этого замечательного произведения для решения загадок русского летописания конца XVI - XVII в. и, что не менее ценно, раскрыло многолетние размышления автора над ходом русской истории, результаты которых наиболее ярко выразились в публицистике Римского-Корсакова, для которого обоснование государственной необходимости самой активной внешней политики России на южном направлении, вплоть до окончательного умиротворения Крымского ханства и одоления османской агрессии в Европе - было в буквальном смысле слова делом жизни.[34]

В совместном с О.А.Белобровой варианте статьи для "Словаря книжников и книжности Древней Руси" были кратко подведены итоги изучения биографии литератора.[35] А в исследовании творчества Римского-Корсакова как историка на первый план властно выдвинулась его "Генеалогия", осмысленная как принципиальное событие в развитии русской историографии.[36]

В последние годы ценный вклад в изучение творческого наследия Игнатия внесла Л.Б.Воронова. Она высказала несколько замечаний о литературных особенностях его сочинений и предложила описание 33-х рукописей его трудов. Кроме отмеченных выше, в описание вошли 10 списков "Посланий" в пространной ред.(РНБ, Солов.633/721; СПБ ДА 164; Погод.1549; ГИМ, Хлудова 261; РГБ Унд.449; Рум.183; ЦГИА, ф.83, оп.2, № 1664) и сокращенной ред. (РНБ, Соф.1406; РГБ, Каверина 46), три списка т.н."Жития Симеона Верхотурского" с дополнительными статьями (РГБ, ТСЛ-П,282; Унд.376; Вяземских 21), список "Свидетельства" (РНБ, Q.XУП.180, л.189-192), два списка "увещания" раскольников и два "Жития и Завещания патриарха Иоакима" (РГБ, Унд.1383; Барс. 694; житие там же, ТСЛ-П, 14; Беляева 29/1535), в принадлежности которого перу Игнатия автор сомневается.

Помимо бегло указанных И.А.Шляпкиным и Л.М.Костюхиной автографов Игнатия в рукописях РГБ, Овчинникова 748; ГИМ, Син. 214 и 306, Л.Б.Воронова обстоятельно описала знаменный Ирмологий (предисловие к которому опубликовал В.М.Ундольский), подписанный уставщиком Соловецкого монастыря Римским-Корсаковым (РНБ, Солов.277/282). Неучтенными в прекрасном "Археографическом обзоре" осталось лишь неизвестное в рукописи "Возобличение", Слово запорожскому воинству и летописный свод, а также документальные работы Игнатия: следственное дело о митрополите Симеоне, "Чиновник" и 5 митрополичьих грамот.[37]

Важные документы о деятельности митрополита Игнатия -"Сибирское дело о десятильниках" - рассмотрел вскоре Н.Н.Покровский,[38] а А.П.Шашков, изучая борьбу архиерея против староверов, наряду с анализом окружных посланий привлек дело РГАДА, ф.214, оп.3, стлб.1058, об отношениях Игнатия с правительством.[39]

Новые материалы о Римском-Корсакова не изменили устаревшей

оценки его творчества. Даже Л.Б.Вороновой Игнатий рассматривается как "второстепенный" писатель. Пересмотр такой оценки вытекает из обращения к самим сочинениям Римского-Корсакова, посвященным наиболее острым проблемам русской общественной мысли. За небольшим исключением этого не было сделано в специальной литературе, как незавершенной осталась биография писателя и общественного деятеля, неполным – список его трудов.

Остановлюсь прежде всего на вопросе о светском имени Игнатия, с которым связана атрибуция одного из важнейших памятников русской исторической мысли ХУП в. В современных Игнатию документах его светское имя не упоминается. Назвав его Иваном Степановичем, внуком Елизара, правнуком Семена Корсакова, Н.П.Лихачев шел от указания родословного списка, литографированного в конце XIX в. В подлинной росписи 1687 г., поданной Римскими-Корсаковыми в родословную комиссию, относительно Ивана Степановича ничего подобного не говорится[40]. Он упоминается в боярской книге 1627 г., а вскоре после составления боярской книги 1629 г. против его имени появилась помета "умре"[41].

12 из 18 отмеченных в Разряде Корсаковых с именами на "И" за ХУП в. продолжали службу после 1667 г., когда мы впервые встречаемся с монахом Игнатием Корсаковым. Шестеро оставшихся в нашем списке Корсаковых отмечены в службе следующим образом:

Иван Воинович, 1656/57 г., сеунщик (Дополнения к Дворцовым разрядам, с.77; по московскому списку, очевидно, не служил);

Иван Игнатьевич, 1659-1660 гг., жилец (ЦГАДА, ф.210, Московский стол - далее ст., № 895, л.7);

Иван Неупокоевич, 1627-1634/35 гг., жилец (ст.486, л.488; ст. 523, л.593, 594; ст.812, л.280; ст.850-Ш, л.119; ф.210, оп.2, боярский список № 25, л.503);

Игнатий Никитич, 1660-1662 гг., жилец (ст.344, л.44; ст.849, л.92);

Игнатий Третьяков, 1613-1638/39 гг., жилец (ст.6-II, л.264; ст.900-I, л.76; Дворцовые разряды, т.II, с.958);

Илья Александрович, дворянин московский, с 1622/23 по 1657/58 гг. (ссылки на документы см. ниже).

Четверо из них (Иван Неупокоев, Игнатий Третьяков, Иван Воинович и Иван Игнатьевич) не принадлежали к роду Корсаковых, вскоре получивших право называться Римскими (двое первых, к тому же, покинули службу слишком рано), и служили по последней статье московского списка (если вообще попали в него). Кандидатами в Игнатии Римские-Корсаковы остаются двое: жилец Игнатий Никитич, почти не служивший и потому не ставший московским дворянином, и имевший этот чин Илья Александрович. Но первый не мог остаться Игнатием в монашестве, и у нас имеется лишь один человек, который мог постричься и стать знаменитым писателем.

Илья Александрович Корсаков родился, видимо, в новгородском поместье своего отца, Александра Васильевича, около 1620 г. В 1623 г. он был верстан поместным окладом, в 1630 и 31 гг. все еще пребывал жильцом. К 1633 г. из мелких дач он собрал 181 четверть (11 дворов) поместий в Можайске, Арзамасе, Суздале и Пошехонье, но все еще не научился писать[42]. В службах в это время он не был упомянут ни разу, будучи поверстанным по московскому списку в малолетстве (в связи с малолетством сына Михаила Федоровича). Отмеченный в боярской книге 1636 г. дворянином московским, Илья Александрович упоминается в дворцовых разрядах 1638 г. и в разрядных записных книгах в списке дворян, дневавших и ночевавших на государеве дворе 5 октября 1638 и 3 июня 1647 г. (такого рода списки сохранились слабо), из чего можно заключить, что он продолжал

службу при Алексее Михайловиче, в его детской, а затем взрослой свите. В 1646–1649 гг. он в очередь и на замену служил объездчиком в Белом городе "от Неглинны по Стретинскую улицу". Последний раз Илья упоминается в боярской книге 1658 г. и должен был служить еще 3–5 лет (поскольку пометы о его отставке нет). Точная дата его отставки и пострижения неизвестна, но в не вполне сохранных боярских списках: наличном 1663/64, подлинном 1664/65 и наличном 1665/66 гг. его имя не упомянуто (другие Корсаковы там отражены)[43].

Не исключено, что до отставки (в годы, документы о которых утрачены), Илья получил следующий чин – стольника – как говорит об этом Сибирский летописный свод: после смерти Павла поставили на сибирскую митрополию "Игнатия архимандрита, взят на Москве из Спасова монастыря с Новаго, рекомый Корсаков-Римский, прежде бывый государского величества стольник" (ДРВ, М., 1775. Ч.УП,С.417 и др. списки). Правда, в 60-х годах Корсаковы еще не были в стольниках. Они "доступили" этого чина в связи с доказательством своей "родовитости" (в котором, как увидим, активное участие принял и Игнатий): Иван Леонтьевич и Михаил Игнатьевич впервые отмечаются в стольниках в 1676 г. (РГАДА, ф.210, БК-7, л.194, 239; ср. ст.490, л.289; ст.501, л.741; ст.596, л.129; родовая принадлежность Бориса Степановича, стольника и полковника с 1677 г., неясна, см: АЮЗР, СПб., 1875. Т.8, Ст.98, 324, 328, 408, 488,489). За ними в 1686 г. следуют Иван Дмитриевич, Иван Леонтьевич; в 1692 г. – Иван Афанасьевич и Василий Михайлович (РГАДА, БК-10, л 392, 371; БК-11, л.315, 11, 413). Все они были живы, так что составитель Свода мог попросту запутаться в таком количестве стольников – или просто польстить новому митрополиту.

Как бы то ни было, к началу 1660-х гг. Илья Александрович

принял постриг под именем Игнатия в новосозданной Крестомаровской пустыни Нижегородского уезда[44]. Литературная деятельность этой "ученой" пустыни пока не изучена. Возглавил ее с самого основания игумен Павел Маровский (в 1672-1675 гг. - архимандрит богатейшего и весьма "книжного" Макарьева-Желтоводского монастыря, затем архиепископ коломенский и каширский). После него 12 мая 1672 г. строителем стал Игнатий Корсаков[45].

Уже в 1667 г., когда Игнатий впервые позволяет себя обнаружить, он имел солидный опыт книжной работы. Не нужно специальных указаний, чтобы, открыв рукопись РГБ, Овчинникова 748 (4°, 186 лл.) узнать неизменно твердый, прямой, очень мелкий и устойчивый полуустав Игнатия, который и работая пером придавал тексту вид начертанного каламом[46]. Тем не менее указания есть. На левом поле л.126 Игнатий написал: "Сия книга Жития п/реподобных/ отец внесена в Ставрос-Маровское общежителство монахом Игнатием 175-го иулиа в 5 день". По листам скорописью другой руки отмечено: "Корсакова, даяние его во 175-м году по его подписи...". Сборник включил переводы греческих житий[47], основная часть которых была списана писцом, и лишь три первых, третье с конца и последнее дописаны Игнатием на особой бумаге в том же, 1667 г.[48].

В составлении сборника Римский-Корсаков был главным лицом. Собственно, в кодексе сложено два сборника, пронумерованных Игнатием в верхних левых углах листов с л.3 по 23 (ныне л.1-17) и с л.2 по 32 (18-198). Но характерные для литератора маргиналии (со значками в тексте и на поле) охватывают весь текст[49]. Вопрос о происхождении переводов требует специального исследования. Однако творческий подход Игнатия к тексту не вызывает сомнения. В первоначальном тексте не было никаких намеков на отсылки к источникам - книжник же постоянно отмечает на полях происхождение ис-

пользованных в тексте цитат и примеров: "Лука 2" (л.13); "Матфей 2" (л.68); "Иоанн 6, 11" (л.71); "псалом 1", "псалом 144" (л.69 об.; 72, ср. л.25, 28 об., 32, 73, 74); "Деяния 5" (л.152); "Бытиа 22" (л.71 об.); "6 Моис.6", "2 Моис.17" (л.68 об., 152); "Судий, 4 цар/ство/" (л.73 об., ср. л.75 об., 76 об.-77, 78 об.,112, 119 об., 128, 132, 134, 135 об., 139, 148 об.).

За исключением немногочисленных пометок "зри", маргиналии отражают серьезную редакционную работу над текстом. Игнатий вставлял отдельные слова и фразы, предлоги и приставки, заменял слова лучшим переводом, например: "брашно" на "хлебы", "безстудие" на "безчестие", "возможно" на "удобно", "мздовоздаяние" на "мздовосприятие", "успехом" на "усердием", "введеся" на "вшедшу", "сохрани" на "сотвори", "памяти" на "соборы", "подвигшеся" на "погребшеся", "спеяних" на "страданиих", "недужному" на "лежащему", "утешным" на "угодным" и т.п. (л. 50 об., 63, 75 об., 81, 100 об., 117, 172, 173, 174, 181 об., 194, 197). Знание греческого языка Римский-Корсаков проявлял и впоследствии (вплоть до обширного цитирования оригиналов в книжном варианте "Слова воинству" 1687 г.).

В 1667 г. Игнатий завершил переписку и редактирование текста скитского патерика, поднесенного им игумену Павлу Маровскому. Рукопись ГИМ, Син. 214 подробно описана Л.Б.Вороновой (см. прим.37). Она также состояла из двух частей с раздельной пагинацией составителя, причем дарственные записи Игнатия сделаны на обеих (л.2 об. 1-й пагинации и л.4-5 второй). О том, что Игнатий был не единственный хороший писец в Крестомаровской пустыни, свидетельствует запись красивым полууставом другой руки: "Книга сия патерик скитский Нижегородского уезду общежителныя Крестомаровския пустыни, написася при игумене Павле во 175 году монахом Игнатием Корсаковым тое же пустыни, а подписал чернец Макарий Вороных Маровские

пустыни" (л.I I-й паг., л.I-6, I9 об. П-й паг.; записи XVII в. о принадлежности рукописи пустыни см. также на л.27, 49, 5I, 53, 55, 87 и 89 П-й паг.).

Очередной работой книжника стал синодик Крестомаровской пустыни в рукописи БАН, I6.I3.32 (2°, 80 л., с приписками XVII-XIX вв.). Почерк и запись "черноризца Игнатия, преписавшего синодик сей" (л.39 об.) - достаточные основания для атрибуции, но крестомаровский библиотекарь конца XVII в. подтвердил принадлежность рукописи руке "преосвященнейшаго Игнатия, митрополита сибирскаго" (л.I4). В основе синодика - традиционные статьи ("чин чтения синодика", л.3-4; помянники великих князей, царей и членов их семей, л.5-6; русских митрополитов и патриархов, л.6 об.-7), дополненные помянниками митрополитов нижегородских (л.7) и иноков пустыни (л.8-II об., I3 и сл.; на л.7 об., I2 - вкладчики). Синодик был составлен до смерти патриарха Иосифа (I674), позже включил запись о пожаловании им пустыни 5 рублей и о числе монахов пустыни в I половине XIX в. Лишь в I884 г., как свидетельствует копия с отношения обер-прокурора Синода к президенту Академии наук (л.I-2), рукопись, принадлежавшая к тому времени церкви с.Прудищ, была передана в БАН[50].

Новое наступление Османской империи в Восточной Европе прервало мирные занятия монаха Игнатия. Летом I672 г. османские войска вторглись на земли Речи Посполитой. Верная своим союзническим обязательствам, Россия энергично готовилась к войне. Весной I673 г. русско-украинские войска двинулись к Днепру, чтобы в кровопролитной борьбе спасти от османского владычества преданную своим гетманом и оставленную Речью Посполитой Правобережную Украину; были заложены первые 25 кораблей морского флота; корпус стрельцов и казаков под началом прославленного воеводы полковника Г.И.Косагова выступил на штурм Азова[5I]. Примерно в это время Римский-Корса-

12⁷ - 112

ков выехал в Запорожье[52] со "Словом к православному и христоименитому запорожскому воинству, внегда принесенней быти всечестней иконе... Алексия митрополита киевскаго и всеа России чюдотворца в благочестивыя полки их, собранныя противу нечестивым турком и татаром"[53].

"Слово" достаточно точно датируется по содержанию. Оно было произнесено в начале войны, когда царь Алексей Михайлович, по словам Римского-Корсакова, "меч от бога себе данный на отмщение злочестивым _вземлет_ (а не "взем". – А.Б.) во прекрепкую си десницу и вам такожде творити повелевает" (л.359). В прямом смысле государь так и не "взем" меч в свою руку, но зимой-весной 1673 г. царский поход на султана действительно готовился. Об этом было объявлено воеводам и иноземным "потентатам", а в Путивле, где планировался сбор войск, строился для Алексея Михайловича походный двор. Тогда же "запорожскому воинству" был дан указ о войне с Крымским ханством и Оттоманской Портой. Весной по просьбе сечевиков к ним был отпущен из Москвы с запасами "полевой вождь" Иван Серко, "страшный Крыму промышленник и счастливый победитель, который их всегда поражал и побивал и христиан из неволи свобождал". В предстоящей жестокой войне позиция Запорожья играла немалую роль – и Игнатий был как раз тем человеком, который мог всколыхнуть чувства буйных сечевиков.

Речь Римского-Корсакова имела мало общего с традицией витиеватых "казаний", сконструированных по правилам схоластической риторики. Выражаясь "высоким слогом", Игнатий не забавлялся "плетением словес" и мелкотравчатой дидактикой (столь характерными для современной московской орации), оставаясь ясен и точен в слове и мысли. Направляясь прямо к цели, автор крупными мазками рисовал общую картину борьбы христиан с "агарянами", вдохновляя слушателей

сознанием важности роли, которая отведена им в этой борьбе. В характерной для всех своих речей к воинам манере, Римский-Корсаков убеждал, обращаясь к основным интересам слушателей.

Вера была для запорожцев важным связующим звеном с покинутой родиной. И Игнатий начал слово притчей о Соломоне, который создал себе прекрасный престол на шести степенях, отовсюду охраняемый 12-ю златыми львами. Престол же господень, - сказал оратор, - православная церковь. Она создана богом и ограждена "лвами непозлащенными, но всякаго злата дражшими, ибо живыми и словесными... на защищение от всякаго врага и супостата". Эти львы - "вы есте, христоименитии людие, вои царя небеснаго и его на земле наместника суща" царя Алексея Михайловича. Вы, говорил оратор, оружием вашим пуще львов терзаете нападающих на православных, "вы персми вашими аки необоримою стеною Российскую землю ограждаете и от навет нечестивых бисорман защищаете. Вы неусыпнии стражие жребия пресвятыя богородицы... сотвористеся и скории отмстителие врагом злобним богом поставлены есте!".

Как поборал зверя Давид, так ныне запорожцы бьются со "лвами лютыми и медведями жестокими, нападающими на стадо христово и восхищающими от него агнцы и овцы - мужеский, глаголю, пол и женский", настигают злодеев и поражают, освобождая полон и уничтожая врага. "И тако вашим промыслом мир желанный церкви восточней, братии и сродником вашим сотворяете, радость, веселие и безбедство приносите", заслуживая молитву от всех христиан. Преследование казаками уходящих с Руси татар выделялось в "Слове" не случайно. Весной 1673 г., когда хан Селим-Гирей бросил "весь Крым" на русский рубеж, пытаясь "проломить Белгородскую черту", и разбитый в множестве кровавых схваток между Новым Осколом и Верхососенском, рассеял десятки тысяч всадников по менее защищенным

"украинам", смелые действия запорожцев на степных шляхах могли спасти немало "христоименитых людей" от смерти и плена.

Все это не слухом, продолжал Римский-Корсаков, "но самим делом" знает единый под солнцем благочестивый царь, "един высочайший столп и утверждение церкве", второй Давид, веры распространитель, "всех правоверных защитник и благодетель, свет очию всех христиан правоверных!". Отечески любя запорожцев, царь, по словам оратора, высек их подвиги у себя в сердце и "радеет" о них всечасно, об этих неутомимых бойцах за христианство, освободителях своих братьев, сродников, друзей, соседей; ибо вы, - говорил Игнатий, - "мир и тишину желанную породе российской оружием вашим крепце содеваете!". Ради того же блага царь и сам подъемлет меч отмщения супостатам, и запорожцам "такожде творити повелевает", предрекая им победу над "гордой силой" и давая в помощь чудотворную икону митрополита Алексия, "вашего единостранника, черниговского родимца - но всех православных христиан скораго помощника и покровителя - да...его святым ходатайством песнь победную воспоете, светлое деюще торжество по одолении врагов злоковарных!".

Ибо этот святой чудотворец, - указывал оратор, - имеет дивную силу "еже брани утоляти, ярость зверообразных скифов во кротость прелагати и устремление их во страх и бегство претворяти". Обратившись к истории, Римский-Корсаков напоминал слушателям о великой чести, с которой Алексий был принят в Орде, когда исцелил царицу Тайдуллу и с богатыми дарами "возвратился восвояси, мир носяя православным христианом, яко овцам кротким от волка хищнаго и лютаго зверя". Продолжая свой рассказ по Степенной книге, автор поведал и о втором хождении Алексия в Орду, когда святитель "лютейшаго варвара,... сына Чанибекова Бердебека, устреми-

вшася пленити землю Рускую, своим уветливым увещанием... удержа от лукаваго предприятия". Совершая такие подвиги при жизни, ныне святой "много паче... силен есть сотворити: луки враг ваших сокрушити, мечи сломати и самы попрати", ибо и имя его есть Пособитель!

Немало сил затратил оратор, чтобы внушить, будто несколько сотен воинов, которые Запорожье обычно могло двинуть в поход, непременно одолеют орды бусурман, беря пример с Давида, Иезекии и иных ветхозаветных героев. По его словам сам бог велит иереям сказать в год брани: "вы выходите днесь на рать врагом вашим, не убойтеся, ниже устрашитеся, и не уклонитеся от лица их", ибо господь перед вами идет на врагов ваших. С турецким султаном, перекопским ханом и всеми их воеводами "мышца плотная", - с вами же бог, говорил Игнатий, ибо вы бьетесь за его славу, за святую церковь, за плененных братьев. "Ополчится господь за вас, - повторяет оратор, - яко вы персми вашими аки стеною необоримою ограждаете православныя христианы!".

Победа с теми, кто идет на супостата "единым сердцем, единою душею... Тако бо в едино совокупленным вражия сила одолети не возможет, яко и стрел во едином снопще никто же сломити доволен - тыя же паки по единой разлученныя и малая ломит сила!". Победа с теми, кто вручил дела свои матери божией, кому покровитель сам св. Алексий, закрывающий амфором от вражеских стрел и сокрушающий пастырским жезлом "лютая оружия сопротивных". И будут запорожцы, перефразирует Игнатий библию, страшны в очах врагов, "да един от вас поженет тысящу и два двигнета тьмы!".

Конкретное вначале, "Слово" Римского-Корсакова постепенно достигает высокого обобщения. Оратор призывает запорожцев не просто в новый поход, но на освобождение всего "немощного" христианства всех земель, "яже от благочестивых царей злочестивии врази

неправедно восхитиша", - да все это ныне "паки взыщут во державу благоверному нашему государю царю", чтобы вновь зазвучали псалмы и песни в оскверненных ныне храмах. Так оборонительная война, начатая Россией по союзному обязательству перед Речью Посполитой, превращается в устах Игнатия в священную войну с "бусурманством", в этап великой борьбы за объединение всех православных земель под крыльями российского двуглавого орла. "Не нам, господи, не нам, но имени твоему даждь славу,... ныне и во вечныя веки!" - заключил свое пламенное выступление Римский-Корсаков. Неподдельная эмоциональность "Слова" свидетельствовала о глубоком убеждении Игнатия в необходимости освобождения Европы от "агарян", как мы и убедимся впоследствии.

Пока же иеромонах вернулся в Крестомаровскую пустынь, которую он к весне 1675 г. возглавил. Вскоре за тем он завершил работу над торжественником (ГИМ, Син. 306). Согласно его записи на л.1 об. 1-й пагинации некто "понуди преписати сию книгу настоятеля Крестомаровской пустыни, мене меншаго всех иеромонаха Игнатея, с братиею". На л.2 II-й пагинации он пометил, что "писал же и свершися в лето от Создания мира 7183, от воплощения же божия слова 1675, месяца маия 12 дня". Как видим, к этому времени книжник прочел уже довольно польско-латинской литературы, чтобы свободно употреблять западное летоисчисление. Это - последняя из известных нам крестомаровских рукописей Римского-Корсакова (хотя находки, думаю, будут продолжаться). Девять месяцев спустя Игнатий сменил тихую обитель на многолюдный Соловецкий монастырь, переживавший последствия страшного погрома, учиненного в нем царскими карателями.

Смиряя мятежных соловецких монахов, правительство спешило снабдить монастырь твердыми "властями". В марте 1676 г. новый архимандрит Макарий выехал туда из Успенского Тихвинского монастыря

(как и Игнатий, он получил эту должность недавно, в январе 1675г.). Римский-Корсаков в роли экклесиарха (церковного уставщика) должен был стать его правой рукой в искоренении "разномыслия" в обрядах, которое послужило важным мотивом восстания[55]. Игнатий активно взялся за решение этой задачи. След его деятельности остался в рукописи ирмология на крюковых нотах (РНБ, Солов. 277/282, подробно описан Л.Б.Вороновой). Он создавался по частям, завершенным, согласно записям, 28 мая 1678 г. (л.157), 24 мая 1679 г. (л.372 об.) и 1 декабря 1677 г. (л.498). Уставщик доверял писцу только текст, который сам тщательно выверял и редактировал. Крюки Игнатий писал самолично, поскольку введение на Соловках московской манеры пения было одной из важных его задач. Как и другие представители русской литературы конца XVII в. - Карион Истомин, Сильвестр Медведев, Тихон Макарьевский и др. - Римский-Корсаков был широко образованным человеком, уверенно чувствовавшим себя не только с книгой на коленях, но и на кафедре, глубоко понимавшим музыку и живопись. В ирмологии принадлежность знамен руке экклесиарха специально подчеркивалась в записях о создании книги "повелением и благословением отца нашего архимандрита Макария". Рукопись представляет, насколько я могу судить, немалый интерес для истории знаменного пения. Выявление и изучение соловецких рукописей Игнатия также предстоит продолжить.

Завершив свое "наставление" Соловков, Макарий и Игнатий поехали назад в июле 1680 г. Архимандрит вернулся в Тихвин (впоследствии он был переведен в Хутынь), а уставщик возглавил Моргуловскую пустынь - соловецкое подворье в столице. В Москве писатель незамедлительно включился в борьбу, которую вели представители его рода за право возводить происхождение к римским героям и именоваться в знак своей высшей знатности Корсаковыми-Римскими.

Как свидетельствуют разрядные документы, началась эта история еще в 1666/67 г., когда один из наиболее видных членов фамилии, Игнатий Степанович, заместничав с Алексеем Чепчуговым, бил челом, "что предки их почались от предел римских". Дело это заинтересовало государя, но челобитная осталась тогда без последствий[56]. Только в мае 1677 г., вскоре после победы своего дальнего родича И.Д.Милославского в борьбе за власть, Григорий, Федор и Воин Семеновичи Корсаковы "з братьями" подали Федору Алексеевичу (читай: Илье Даниловичу) челобитную от имени всей московской ветви фамилии. Сообщая, что их постоянно путают с "чюжеродными Корсаковыми, которые служивали у их прародителей в домех", московские дворяне Корсаковы просили их "от чюжеродных Корсаковых отверстать по их породе и по старине, Римскими-Корсаковы впредь писать и челобитье их записать".

Прошение пришлось ко двору – ведь Милославские, породнившиеся с царской семьей через супругу Алексея Михайловича (мать царя Федора, будущего царя Ивана и царевны Софьи), вели свой род от Милослава, второго сына Сигизмунда Корсака. Корсаковы же восходили к Венцеславу, первому сыну Сигизмунда, так что доказывая происхождение общего предка от римлян, льстили Милославским не меньше, чем себе. Поэтому 15 мая 1677 г. думному дьяку В.Г.Семенову велено было учинить указ, чтобы челобитчики впредь писались "Корсаковы-Римские". По этому указу были сделаны записи в разрядной записной книге 1677 г., в боярской книге 1675 г. и боярском списке 1677 г. "под их имяны и под иными их родственники по их росписи отмечено, что их впредь писать Римскими-Корсаковы"[57].

Однако такое положение сохранялось лишь до тех пор, пока у власти находился И.Д.Милославский. С 1681 по 1683 гг. "в боярских списках писаны они Корсаковы, а Римскими не писаны", "их в Розряде

мешают и пишут бес породнова звания, просто Корсаковы"[58]. В сей критический момент в дело и вмешался соловецкий строитель Игнатий, создав в защиту "породнова звания" своей фамилии сочинение, каких на Руси еще не видали.

"Генеалогиа явленной от Сотворения мира фамилии, несравненнаго древностию времени роду... Корсаков-Римских" сохранилась в беловой авторской рукописи в лист (ГАРФ, ф.728, собр. Зимнего Дворца, оп.I, кн.I, № 27). Н.П.Лихачев подробно описал ее состав, опубликовал отрывки и постарался уточнить происхождение памятника. Авторство Игнатия ученый, как мы помним, отверг на основании отсутствия в сочинении ветви Ивана Степановича Корсакова. Время составления "Генеалогии" определялось по датам начала службы неупомянутых в ней детей приведенных лиц. Наиболее раннюю "верхнюю дату" - 1692 г. - дал стольник Василий Корсаков, сын Михаила Игнатьевича. Однако Н.П.Лихачев справедливо заметил, что датировка сочинения остается гадательной.

Действительно, автор "Генеалогии" учел не всех представителей обширного рода, члены которого не всегда хорошо знали друг друга. Сопоставление родословных списков в "Генеалогии" с росписями, поданными в 1686 г. в Разряд, показывает, что все они имеют пропуски. Даже в наиболее полной росписи, представленной в родословную комиссию Г.С.Римским-Корсаковым с братьями, были серьезные недочеты. Так, бездетным был назван Н.Е.Римский-Корсаков, имевший шестерых сыновей, двое из которых участвовали в Крымском походе; в 1698 г. он специально бил челом, чтобы его детей включили в родословную книгу, и год спустя ошибка была исправлена[59].

Более точную датировку дает рукопись. Н.П.Лихачев отнес ее к началу ХУШ в., однако использованная в "Генеалогии" бумага бытовала в России во второй половине 1670-х - начале 1680-х гг.[60]. Основ-

ная часть рукописи написана округлой полууставной скорописью с характерной волнистостью линий (л.3-4 об., 6-20 об., 24-36 об., 39-58 об., 60-90 об.). Этого писца иногда заменяли другие, менее квалифицированные, один из которых буквально рисовал полууставные буквицы (л.5-5 об.), а другой писал крупной полууставной скорописью с широкими буквами и межбуквенными интервалами (л.21-23 об., 37-38 об.). Верный привычке принимать непосредственное участие в создании рукописи, Игнатий написал заглавие и список источников в начале "Генеалогии" (л.I-2 об.), текст о новейшей истории Корсаковых и стихи на их гербы в конце книги (л.91-96, 97 об., 98 об., 99, 100 об., 101, 102 об., 103, 104 об.).

Помимо почерка, косвенное указание на авторство Игнатия дает текст "Генеалогии". "В память славных родителей своих, во образ правды и служеб наследником своим, - заявлял автор в заглавии, - от различных историков праведно написано и во уведение предидущим веком предано". (Л.I-I об.). Родители Ильи Александровича - отец, дед Василий, прадед Лука - представлены в "Генеалогии", в то время как в родословных росписях 1686 г. уже Лука был ошибочно указан бездетным. Не забыл Игнатий и своих наследников: сына Ивана, внуков Петра, Юрия и Андрея[61]. В то же время автор пишет о своем роде как бы со стороны: не "мой", но "той" - как это пристало отрекшемуся от светского имени[62]. Все эти признаки не позволяют усомниться в авторстве "Генеалогии".

Основная мысль сочинения фантастична. В 18-ти главах он прослеживает своих предков непосредственно от Адама до мифологического Сатурна, Юпитера, Геркулеса и его сына Корса, а затем от потомков Корса до конца ХУП в. Подробно рассказав "о честных фамилиях, еже есть родах, которыя повелися от сынов Геркулесовых в Грецыи, Италии, Скифии, Дацыи, в Пруссах, в Литве, в Полше", он особо ос-

танавливается на сыне Геркулеса Корсе, истории и географии о.Корсика, пишет "о соединении Корса с римляны", его владениях, о первых Фабиях и консульствах их в Римской республике, о потомках "Корсаков-Римских" в Восточной Европе и утверждении их в Московском государстве. В отличие от иных генеалогических выкладок того времени Игнатий подробнейшим образом останавливается именно на античном периоде, сообщая разнообразные сведения о всех древних героях, а о московских Римских-Корсаковых говорит чрезвычайно лаконично, посвящая отдельную статью лишь знаменитому Игнатию Степановичу, зачинателю борьбы за "Римских" Корсаковых, убитому во время восстания Разина.

"Генеалогия" является интереснейшим источником о формировании идеологии московского дворянства. Автор дает обоснование значения генеалогии вообще, подчеркивает прежде всего воспитательный смысл знаний о славе предков, необходимость постоянного "помышления о чести" - ибо только своим самосознанием знатный "выше худых человеков, о чести своей нимало помышляющих, возносится". Добрая слава, по его мнению, связана прежде всего с гражданскими добродетелями. "Кто богатство великое имеет, сердца к нему да не прилагает, - призывает Игнатий, - но рукою щедрою устрояет Отечеству своему нуждная, другом и убогим подает помощь в нуждах их...". Отметим, что о церковных пожертвованиях автор не упоминает. "У кого же паки стяжания мало - таковый высокоразсудным разумом да по(мо)гает, здравыми советы да подтверждает, обучением в добродетелех славу достизает, учением разум просвещает, судами мудрыми государства управляет, мужеством и смельством своим славу да сохраняет, не устрашаяся бед и напастей, подъемля труды и горести злоключимыя, еже есть мраза студень, солнечное опаление, обуревания, дожди, глады, убожество, узы, раны, паче же и самую смерть ради безсмерт-

но пребывающия славы!" (л.5-5 об.).

Внимание Римского-Корсакова к личным заслугам, характерное для Сильвестра Медведева и других русских просветителей конца XVII в., не приводило Игнатия к отрицанию "чести по роду". "Единаго человека честныя дела великую честь и славу рода своего наследникам приносят, - пишет он, - что реку о тех фамилиях и домах, которых слава от наследника на наследника, от рода в род до сотнаго колена и вящши снизходит?!" (л.6 об.).

Автор соглашается с тем, что все люди равны в своей основе, и даже немало рассуждает об общем происхождении богатых и убогих, царей и земледельцев, всех чинов от Адама и Евы. Вполне в стиле Сильвестра Медведева он пишет и о том, что это природное равенство постоянно подтверждается социальной динамикой. Ведь много есть и таких, "которыя почитаются и славным отечеством - сами же не достойны суще славы и ея ради не хотят труждатися, яко бы не имея прикладов, иже за добрыя дела и из простых людей на высокие бывают возведены чести - и с царских престолов злых ради дел безчестных со уничижением низвергаются!" (л.4). Но признавая справедливость таких перемен в принципе, Игнатий восстает против них на практике, видя в падении многих родов действие зависти и беззакония. Генеалогия должна, по его мнению, служить стабильности "властительства и богатства", а то, рассуждает он с горьким сарказмом, "иных стран люди на честь и славу прародительс[кую мало разсуждают и тысящи послуг сотворших мужей за едино прегрешение и со всем родом погубляют; и противным образом за единую малую выслугу от худаго и малаго роду на высоких началствах поставляют" (л.6).

"Елико древнейши прародители - толико славнейши у человек их наследницы", - утверждает Игнатий основную мысль реформ 1680-х гг., призванных заменить игралище "случаев" твердо установленными

степенями родовой знатности, – приступая к обширному рассказу о том, что "обое сие имеет славный род Корсаков: старость и славу" (л.II). Богатство приведенного в доказательство этому тезису материала поразительно. Но сейчас нас более интересует крупный вклад, внесенный Игнатием Римским-Корсаковым в развитие русской исторической мысли.

Стремясь сделать "Генеалогию" максимально убедительной, Игнатий специально обратился к проблеме достоверности исторического повествования. "Немалое время жития своего изнурих над книгами, – писал автор, – умыслих по силе моей род той описати, не яко басни некия сладкословесныя и украшены ложью, но правду истинную, ей же подтвержения ради ни единыя вещи от разума моего умисля не хощу полагати, но еже что реку и напишу – то в которой книге обретох расположу явственно, дабы род славный Корсаков-Римских зависти и клеветы человеческия могл убежати, и аз во лжи не был зазренный, и едина правда яснее бы показалася" (л.8).

Критерий достоверности сведений о древних событиях автор находит в непротиворечивости сообщений независимых и незаинтересованных историков: "Егда толико много историков о едином деле повествовали согласно, которые в различных царствах жили, и не во едино время, и не мздою закуплени, ... но правды любители и правду писаша". (л.8). Отрекаясь от домыслов, автор не считает возможным ограничиться простым сбором различных сообщений. Он поясняет, что сведения древних авторов нуждаются в толкованиях и интерпретации, но обещает и здесь не давать воли домыслам: "протолкую, – пишет он, – не от своей головы и разума, но от славных творцов, которыя о тех делах писали" (л.8 об.). В действительности автор, разумеется, не отказывается от собственных рассуждений, часто довольно остроумных, от реконструкции событий по косвенным

13 - 112

данным, но обращается к ним лишь исчерпав прямые сообщения источников.

Новым и важным элементом русского исторического сочинения стало суждение автора о необходимости точных ссылок на источники. Ссылки уже широко входили в практику русских, украинских и белорусских авторов в соответствии с древней европейской традицией, постепенно наполняли новгородские, а затем и московские летописные своды, но оставались необязательными. Важно отметить, что утверждая значение ссылок для доказательства правдивости повествования, Игнатий подразумевал уже их современное для нас значение: возможность обращения читателя к использованным автором текстам.

"Не вменяй ми читатель в злобу,- пишет Игнатий,- егда во описании Корсаков-Римских неподобное что явится тебе: тем книгам ими веру, от которых аз собрах описание того славнаго рода. Тех книг слушай и читай на местах, от мене указанных в писании" (л.8 об.). Важно отметить, что уповая на обращение читателя к тексту источника автор имел в виду живую практику ученых людей своего времени, опираясь на которую Сильвестр Медведев, например, "спрятал" истинный смысл своей похвальной рацеи премудрой царевне Софии Алексеевне именно в полных текстах знакомых адресату сочинений, из отрывков которых сконструировал внешне аполитичное повествование[63]. Автор "Генеалогии" только придал ссылкам на источники последовательность, сделав их непременным элементом исторического повествования.

Это не было, конечно, его изобретением - но систему ссылок Игнатий усвоил отнюдь не через украинские или польские произведения (которые, как принято считать, служили "мостом" восприятия в России западной книжной культуры). "Генеалогия" отразила зна-

комство россиянина непосредственно с основой европейской культурной традиции, уходящей корнями в античность. Подбор авторов, перечисленных Игнатием в "Сочислении творцов по алфавиту, от них же собрана книга сия" (л.2-2 об.), далеко не случаен.

Среди них мы видим прежде всего древнейших греков - Гомера (ссылки даются и на "Илиаду", и на "Одиссею"), Олена, Гесиода, Геродота и Аристотеля. Более "новых" греков представляют историки Диодор Сицилийский и Плутарх, географы Страбон, Птоломей и Павсаний, философы Атеней Навкратийский и Лукиан Самосатский. В Риме Игнатия особенно привлекали поэты: Гай Луцилий, Квинт Энний, Альбий Тибулл, трое бессмертных - Вергилий, Гораций и Овидий,- Персий, Лукан, Силий Италик, Стаций и Ювенал. Не забыты были и главнейшие историки: Тит Ливий, Тацит и Светоний, к коим присоединился М.Юний Юстин с его изложением капитальной всемирной истории Помпея Трога.

Среди трудов ученых и коллекционеров Игнатий выбрал "Архитектуру" Витрувия, "Метаморфозы" Антонина Либерала, "Естественную историю" Плиния Старшего, книги Авла Геллия и Солина. Не обойдены были о ораторы - Цицерон и Квинтилиан - написавшие исследования об ораторах. Постепенный закат античного мира представлен в "Генеалогии" работами Клавдиана, Макробия, Лактанция Плацида, Стефана Византийского и Магна Кассиодора. Христианская традиция этого времени отражена сочинениями Евсевия Памфила и св.Иеронима.

Возвращение Европы к античному наследию прослежено начиная с трудов ранних гуманистов: латинских трактатов Джованни Боккаччо, Анджело Полициано, Баттиста Спагноло (Мантуана), Амвросия Калепино и, конечно, Эразма Роттердамского. Литература ХУI - начала ХУП вв. представлена работами Алессандро д'Алессандро, Гильома Парадена, Лаврентия Сурия, Цезаря Барония, Торквато Тас-

со и Герарда Меркатора. Наконец, использованы в "Генеалогии" и фундаментальные сочинения польских авторов этого времени: Мартина Бельского, Бартоша Папроцкого, Александра Гваньини (итальянца на польской службе) и Матвея Стрыйковского.

Исходя из существующих представлений следует предположить, что знакомство с этой обширной литературой происходило в обратном изложенному порядке: от польских авторов к западным латинистам и затем уже к античному наследию. У читателя обязательно должно появиться подозрение, не позаимствовал ли Игнатий все или большую часть своих ученых ссылок у поляков? - В конце-концов, даже А.И.Лызлов в "Скифской истории" ограничил свое проникновение в западную литературу границами Речи Посполитой. Можно предположить, что и основательное знакомство с античным наследием переводчика "Эпитомы Помпея Трога" Марка Юния Юстина и написанного по указу царя Федора в одно время с "Генеалогией" "Учения исторического" тоже восходит к польской историографии.

Действительно, Игнатий не избегал заимствования ссылок как одного из элементов европейской литературной традиции с древнейших времен. Но он не имел и источника (или ограниченной группы сочинений), из коего мог бы позаимствовать не только свой труд в целом, но и сколько-нибудь значительную его часть. Главным капиталом, преобретенным Игнатием, возможно, благодаря знакомству с польской литературой, было само представление о существовании живой античной традиции, ключем к которой являлся латинский язык. Впрочем, яростный спор о значении латыни как языка, открывающего путь к сокровищнице знаний, как раз во время создания Игнатием "Генеалогии" полыхал в Москве.

Открытие славяно-латинской гимназии Сильвестра Медведева и объявление на рубеже 1680-х гг. о желании царя Федора Алексе-

евича основать университет вызвало острую полемику просветителей, заклейменных противниками как "латин твующие" еретики, и мудроборцев, маскировавшихся под "грекофилов". Игнатий, как я полагаю, выступил в этой полемике с "Доводом вкратце" о преимуществах греческого языка сравнительно с латинским, но отстаивал свою собственную, вовсе не мудроборческую позицию. Он отнюдь не пытался доказать, как Евфимий Чудовский в трактате "Учится ли нам", что один греческий язык "честен и велик", а латинский "вельми сам собою непотребен нам, славяном, и ничтоже воспользует нас, но паче пошлит", не пугает погибелью "от учения латинского" православной веры и тем более не призывает, вслед за иерусалимским патриархом Досифеем, сжечь на Руси латинские книги, а заодно и их владельцев.

Прежде всего, автор "Довода вкратце" не сводит науки к грамматике и богословию. Он спокойно объясняет, что именно Древняя Греция "всех учений свободных всем государствам предаша". Оттуда пошли учения стоиков, платоников и перипатетиков, а позже - труды христианских писателей. На греческом подарили миру "Птоломей - мусикию и астрологию, Никомах и Амелих сириане - арифметику и геометрию, Эрмис тривеличайший и Архиста - диалектику; но оставлю, которые во учение законов, и в дохтурстве, и иных учениях написаны". "И оставим,- замечает автор, кратко указав на роль греческого в христианской литературе,- для множества толиких философов, дохтуров, творцов, риторов, астрологов, геометров и прочих. Кто богословие тако высоко, яко Дионисий (Ареопагит) и Григорий (Богослов) написаху? Кто остроумнее Аристотеля философию, или во астрологии Птоломеа, и в геометрии Эвклида, и в риторику Димостена (Демосфена), и в дохторство Ипократа и Галина (Гиппократа и Галена), и в творцах Омира (Гомера), и во всех про-

чих учениях кто подобни грекам?"

Если сочинения мудроборцев были проникнуты лютой ненавистью к"пламени западнаго зломысленнаго мудрования" и призваны, засадив любознательных россиян за греческие богословские труды, "угасить малую искру латинскаго учения, не дати той раздмитися и воскуритися", то Игнатий настолько высоко ставит авторитет латинских авторов, что обращается прежде всего к их мнению относительно важности изучения греческого. Автор "Довода вкратце" приводит свидетельства Цицерона, Полибия, Авла Геллия, Лукреция Кара и др. римлян, переходит к св.Иерониму, "Фаворину, философу-француженину, Филону и Иосифу евреяном", обращается к "сириянам, египтянам и фракиянам и иным народам", хвалившим греческий язык.

Игнатий бестрепетно ссылается на"Антония Поссевина, славнаго генерала иезуитцкаго", призывавшего "в книзе своей, в Избранной библиотеке", к изучению греческого языка, и обильно цитирует это произведение (за чтение коего мудроборцы готовы были сжечь!). Автор бесспорно признает авторитет западных университетов (именовавшихся в ХУП в. академиями), с эпохи Возрождения насаждающих познания в греческом языке и литературе как основу европейской культуры. "Греческое учение,- справедливо отмечает Игнатий,- во всех академиях и до днесь поучается вместе с латинским, а наипаче в Венеции сияет и во славной их ("латин") академии в Патавие, притом в Париже французском, в Лондине аглинском, в Лундуне (Лунде) галанском, в Праге немецком и во Италии в Риме".

Воспринимая "грекофильскую" позицию мудроборцев буквально (или притворяясь, не желая ссориться с патриархом Иоакимом), Игнатий защищает греческий язык исходя из ясного понимания, что общим языком современной науки является латынь. "И греческое учение бо́льшую славу причиняет,- пишет он не без юмора чистую

правду,- нежели латинское, понеже латинский язык общий, и умножен, и не так в чести, яко греческий". Изучение сначала славянского, затем греческого и наконец латыни - вот здравый путь примирения "грекофилов" с "латинствующими", от которого не отказывался и автор проекта Московской академии Сильвестр Медведев.[64] Такой путь прошел и сам Игнатий, начав с греческих переводов и продолжив "Генеалогией".

Тонкость состояла в том, что на практике при изучении греческих авторов к концу XVII в. не было большой необходимости обращаться к греческому. Все до единого использованные Игнатием в "Генеалогии" античные сочинения были уже солидно критически изданы на латинском языке, большинство из них жило как современная книга, оказывая сильнейшее воздействие на науку, литературу, эстетику "бунташного века". Труд Римского-Корсакова наглядно показал, что стояло за призывом просветителей к изучению латыни. Читая "Генеалогию" мы совершенно ясно осознаем, что русский автор приобщился не к некоему восточному варианту европейской культурной традиции, но к самой основе гуманистической культуры.

Сочинение Игнатия по кругу источников, содержанию и форме является хорошей европейской ученой монографией конца XVII в. Будь она написано по-латыни - "Генеалогию" трудно было бы отнести к определенной стране. Такой результат вытекал из самой сути схоластической традиции, присоединить к коей русских людей стремились просветители. Игнатий выступает как нормальный европейский латинист, причем познания его в классическом наследии и литературе Нового времени, судя по замечаниям в других сочинениях, далеко выходили за круг цитированных авторов, сообщавших материалы по весьма узкой теме. Но и так в "Генеалогии" отразился основной состав источников, используемых поныне для изучения античной мифо-

логии (за исключением разве что Аполлодора и нескольких мелких сочинений).

Иначе и не могло быть. Раз приобщившись к латинскому интернационалу, старательный читатель не мог не войти в круг пронизывающего схоластику детально разработанного классического наследия и неотделимых уже от него рассуждений и комментариев ХУ-ХУП вв. При всем желании Игнатий не мог ограничиваться отдельно взятым мнением по интересующему его вопросу, как и вырвать одного автора из системы знаний, восходящих к античности. Необходимость сжато изложить огромный материал (на которую автор время от времени сетует) служила поводом для сокращения ссылок (хотя Игнатий прекрасно умел давать совершенно точные, используемые и в наше время ссылки), но никак не для уклонения от фиксации множественности свидетельств по тому или иному вопросу.

Точность ссылки заметно зависила от очевидности для ученого читателя, к какому произведению его отсылают. Упоминая Плиния Старшего, было достаточно указать книгу и главу, поскольку вряд ли кто мог не догадаться, что цитируется "Естественная история", а при ссылке на Диодора Сицилийского - "Историческая библиотека". Но уже при упоминании Гомера было необходимо отнести номер книги к Илиаде или Одиссее; Виргилия - к Буколикам, Георгикам или Энеиде; Овидия - к Метаморфозам, Фастам, Науке любви и т.п. Сокращения были обычно связаны с большой насыщенностью текста ссылками:"От Калепина.., по Страбону, и Овидиушу, и Стефану: Теора; Витрувиуша книга 7; Геллиуша; Плиниуша книга 2; Аристотелеса в книге О естестве зверей ("Исследования о животных", л.69 об.).

В ряде случаев Игнатий отмечает, что ссылками подкрепил свое мнение использованный им автор, напр.: "Плиниуш и много иных в Атласе Велик(ом)" (Г.Меркатора, л.66). Но сокращенные ссылки даются и на труды, с которыми Игнатий работал в оригинале: "по

древнему списанию славнаго списателя римскаго Ливиуша" (л.54 об.) и др.

Длинные списки подтверждающих друг друга авторов отвечали выдвинутому в предисловии к "Генеалогии" критерию достоверности. Игнатий постоянно подчеркивал, что по тому или иному вопросу "вси толковники согласуют", "древнии и славнии творцы пишут", "по согласному всех списателей свидетелству" (л.30, 34 об., 52 об.) и т.п. Автор стремился показать древность и информированность используемых авторов: "свидетелствует древний римский историк Транквильлюс и после него бывшие списатели" (л.47-47 об.); "о том роду пишут во всех римских летописцах: в Ливиуше, в Тацыте, в Транквилле, но собственно в Цыцероне, который многажды дела Брутусовы защищал" (л.47 об.-48, ср. л.14-15 об. и др.).

Некоторые ссылки превращаются в откровенное обоснование достоверности сведений Игнатия: "Воспоминает Бокациуш, флоренский житель, всея же Италии славный летописец.., предпомяненый списатель по себе приводит летописцов... От того же и Суриус не отступает, такожде славный летописец, томо 16; и Театрум вите гумане подтверждает на листе 140, под словом Религиос, литера А" (л.74 об.-75 об.); и др.

Помимо многочисленности, древности, знаменитости и информированности авторов исторических сочинений, в "Генеалогии" отразились и иные оценочные суждения о источниках. В одном случае "сие описует Артон, Либералий от книги четвертыя Никарди Альтерационум, а яснее в книге Театрум вите гумане, Слово мудрости, в листе седмьсот седмдесят втором, в слове F" (л.22 об.-23, выделено мной. - А.Б.). В другом - подчеркивается, что "правду о нем писал Иоанн Герунденсий, книга 8, Паралип(оменон) Испании 43" (л.32), что "о том ясно мнози различныя летописцы свидетелствуют: Геродотус,

Павзаниас, Белский, книга I, век, лист I22" (л.46 об.) или "Плиниус в книге I7 в главе 24 явственно описуя поведает" (л.70 об. - т.е. прямо, не притчей). В третьем случае автор извиняется за малодостоверный с его точки зрения факт, объясняя, что "само убо место сего востребова, вспомяненное от Бокациуша" (л.78 об.). В четвертом - "Генеалогия" констатирует, что хотя "о том наполнено во историах римских", но вот "Ливиуш, декаде 4, книга 6, лист II7 - описует скаскою" (л.36 об.). В пятом случае Игнатий констатирует факт со ссылкой: "Виргилиус, книга 6 О Енеи; Овидиуш, книга I Фасторум; Ливиуш. Диодорус же противно им утверждается, глаголя: ..." (следует другая версия, л.86). Пользуется Римский-Корсаков и приемом реконструкции событий, основанной на сопоставлении разрозненных сведений многих авторов, сопровождая реконструкцию примечаниями такого рода:

"И о сем выводне, да вестно кийждому буди - ин Аннотационибус Ливий лист 93; Фестус; Ювенали(й); Плиниус, книга I8, глава 3; Макробиуш, книга I, глава 6; Александр аб Александра, книга I, глава 9; Плиниус второе, книга 7, глава 4 и книга 22, глава 5; Волатеранус, книга I6, глава I; Силвиус Италийский, книга 6 на концу; Овидиуш, книга I Фасторум; Плутархус ин Вита Фабии Максими; Аннотационес Ливий, книга 2, лист 93" (л.55 об.).

Развернуто или кратко, автор "Генеалогии" стремился указать источники каждого упомянутого им имени, каждого факта. Наглядное представление о его работе дает такой, например, небольшой отрывок: "Сей Диоклетиус уведав, яко Стесихорус, славный пиитик лиричный у римлян, написал хулу Елене Прекрасной, бабе Диоклесове, - и за то разгневася, повеле обезочити славнаго творца, яко Бокациуш и Квинтилианус, книга I0, глава I; и Калепинус о том же Диоклесе и Стисехоре то же дело воспоминает. Друзии поведают:... Геллиус, книга 2

глава II; Плиниус, книга 7, глава 38; той же, книга 22, глава 5; Омир, книга Илиад/ы/ 5; Ювенали/й/, Сатир 13." (л.80 об. - 81).

Важной заслугой Игнатия в развитии русской исторической мысли стало активное использование данных историко-географического, историко-языкового и этнографического характера. Так, обширные разсуждения о связи Корсаковых с Корсикой основывались на многочисленных сведениях о географии, геологии и исторической топонимике острова (гл.11-12, ср.гл.13-15). Доказывая первичность именования разных польско-литовских фамилий Корсами, Римский-Корсаков уверенно оперирует знаниями об исторической и этнической изменчивости имен и языка, находя многочисленные примеры этого в Хронике Стрыйковского. "И нарицахуся, - пишет автор, - людие живущии тамо Корсами, аще последи и Курсами, и Карсами нарицалися, измены ради языка в различныя времена. Многажды убо человецы и едину литеру в другое имя изменяют, яко же и ныне в Полше есть обычай: пишут "о", а глаголют "у", яко пишут "дол", глаголют "дул", "вол" - "вул". И тысящами подобных имен обрящеши. И того ради разумей и Корсове Курсами, потом и Карсами нарицалися. Такожде многажды и в Литве слова изменяются: яко Литвания нарицалася Либания, потом Литалия, и паки Ливания, ныне же напоследок нарицается Литвания. - Стрийковски(й), лист 25, и 32, и 41, и 46, и 47, и 50, и на иных многих местах" (л.88 об.-89). Сходную работу Игнатий проделывает и с греческими именами (л.87-87 об.).

Особый интерес представляет обращение автора к языческим обычаям славян в сравнении с другими народами. Доказывая, что древний Прус был "от Брутусов римских, которыя повелися от Брента, Геркулесова сына", Римский-Корсаков сначала использует реконструкцию написаний его имени у разных народов, а затем обращается к сходству языческих верований, связанном, по его мнению, с деятельностью сыновей Геракла. "Единомысленное идолопоклонение вси имели,-

пишет он, - яковое прусы, таковое и татарове, и русь, и литва, и жмудь, и венгры, донде же веры святыя не приняша, последовали Геркулесовым забобоном или идолослужению, и сынов его. Ибо познавали Перуна и имели яко бога, с которым отца Геркулесова Иовиша писывали. Солнцу и Луне кланялися - а Геркулес носил (солнце и луну. - А.Б.) на раменах своих по древнему преданию" (л.50 об.-51)

Отражение дальнейшей истории наследников Корса, пришедших с Палемоном в Курляндию, Игнатий видит в славянских обычаях, сохранивших некоторые элементы язычества: "Такожде и отца, и матерь, и братию Корсумову за боги почитали, еже и до нынешняго времени в простых людех не искоренилося: Делюм-полелюм припевают Палемону; такожде и мачехе Геркулесове, которая родила Елену Прекрасную, тетку Корсову, припевают: Ладо-ладо, и проч." (л.5I).

Видное место в "Генеалогии" занимает геральдика. Происхождени гербов Игнатий рассматривает в главе 7 (о сыновьях Геркулеса); им посвящена завершающая текст серия оригинальных стихов на гербы: "Булава", "Орел летящий", "Медведь идущий", "Столпы", "Роза", "Три реки", "Едльцы накрест", "Ручки накрест". Здесь же приведены и красочные изображения геральдических знаков. Гербы, по мнению Игнатия, являются важным генеалогическим источником. "Еже о Корсах... глаголется, - замечает он, - все истинна, и никто супротивлятися не может. Разве бы уже кто не поверил всем историкам, - еще же и гербы, которыя принесоша ис Курляндии в Литву, и изданы в Литве, и те гербы истинныя братий Корсовых, ... которым те гербы даны и каких ради вин, истории убо римския поведают и Стрийковский со многими авторами согласуется" (л.89 об.-90).

Гербовые стихи (первые достоверно известные стихи Игнатия) также снабжены ссылками, расположенными под текстом:"(Взя)то из Ливиуша, и Гомера, и прочих (лето)писцов"; "Взято от Геркулеса в

Тассо; воспомянено же Калепином на листе 1763"; "От родословия Геркулесова; книга Геркулеса в Тассо; у Еразма Ротердама и Горациуша, в книге I"; "Из летописцев римских"; "Папроцкий, лист 1114"; "Из летописцов полских"; "Кроника Белскаго, лист 442" (л.97 об., 99, 100 об., 101, 102 об., 103, 104 об.). В самих стихах изображение на гербах тесно связывается с историей рода, слава которого должна, по мнению автора, вдохновлять российских Римских-Корсаковых на новые подвиги. Значительный интерес представляют силлабические вирши Игнатия со стиховедческой точки зрения, свидетельствуя о возможности возникновения новой формы стихосложения в России и помимо деятельности Симеона Полоцкого, непосредственно на основе польских, латинских и греческих образцов.

Стремясь облегчить читателям освоение новых для него огромных богатств античной мифологии и истории, Игнатий писал максимально доступным, чуть ли не разговорным языком. Он стремился пояснить все малопонятные слова и выражения, например: "Остров Критский [иже ныне Кандиа]" (л.25, ср.л.13 об.); "Калябрия - в Италии остров близ Сицилии" (л.19); "ради желчи владычествующей в нем [болезнь некая есть]" (л.32); "консули или управители [сей чин в Риме консули в та времена честнейший был и высочайший]" (л.73); "в Хертурии [еже нарицается Флоренское государство]" (л.87 об.).

Показывая свою ученость, автор не мог удержаться от латинских цитат (как в других сочинениях от греческих), однако тут же давал их перевод: "И подпись у гроба сицевая: Filius Euandri Pallas quem lancea invni milites occidit more suo iacet hic. - Еже есть: Сын Евандря Пальляс, его же прободе копие Юрнуса воина, своим обычаем зде положися" (л.26); "столпы медныя поставил на вечную себе славу, и сицевым надписанием: Non plus ultra, -

еже есть: Не хощу болши" (л.33 об.). Переводил Игнатий и все использованные в тексте иноязычные слова, например: "Коус /иже толкуется дол или яма/"; "иже латинским языком нарицается даба, а нашим языком боб"; "По латински колюмнами, а по словенски столпами"; "центаврами, еже есть китоврасами"; "урсинами, си есть медведми" (л.71 об.-72, 51 и др.).

Внимательно прочитав рукопись после писцов, Римский-Корсаков обнаружил еще несколько требующих пояснения слов, добавив на полях: "страна" к отмеченному в тексте слову "провинцыя", "Гишпания" к "Гишперия", "от Адама лета 7077" к "от рождества спасителева 1567", "естество" к "природе" (л.41, 14, 53, 102 об.). И наоборот, в ряде случаев к привычному слову редактор добавил латиноязычный аналог: "фамилии" к "роду", "колюмнами" к "столпами" (л.46, 51 об.) и т.д.

Пояснение автор понимал широко: как перевод на родной язык принятого в литературе термина, соотнесение старых названий с современными, как перетолковывание текста в соответствии с новой системой представлений. Так, он отмечает в квадратных скобках, что Паллада богиней мудрости "у поганых наречена была"; к рассказу о Касторе и Поллуксе в скобках поясняет: "А еже пиитикове поведают их в звезды применившася, и то того ради, яко они в звездословии и в бегах небесных искусни были, ибо у древних поган было: кто в каком-любо деле новое что изобрящет, и тому человеку и приписывали, и мнели, что он то и сотворил" (л.21, 74 об.). Наконец, замечания в скобках напоминали читателю о значении того или иного сообщения в системе доказательств: "почитали, - пишет Игнатий о древних жителях Пруссии, Литвы и Курляндии, - вместо бога Корса или Корсума /отсюда паки разсмотри, яко не Курсами людие тии нарицалися, ибо начальник их не Курсом был, но Корсум/" (л.89 об.).

"Генеалогия" Римского-Корсакова стала важным шагом в развитии отечественной историографии, указала путь выдающемуся русскому историку Андрею Ивановичу Лызлову. Многое сближает "Скифскую историю" Лызлова с "Генеалогией" Римского-Корсакова: проблемное построение работы, оригинальность задачи, смелое обращение к обширному комплексу европейской историографии от античности до Возрождения, состав иностранных источников, разработка сложных вопросов всеобщей истории с древнейших времен до современности, обязательные ссылки на источники, использование данных языка, топонимики, мифологии и этнографии, наконец аналогичные переводы терминов и комментарии (в тексте и на полях).

В Москве 1680-х гг. трудно было разминуться двум знатокам языков, людям достаточно высокого общественного положения, приверженным к изучению истории (к 1682 г. Лызлов уже дополнил своим переводом глав Хроники Стрыйковского позаимствованный у В.В.Голицына "сборник Курбского"). О личном знакомстве молодого (род. в 1655 г.) стольника Лызлова с автором "Генеалогии" позволяют судить и некоторые косвенные данные. Отец Андрея, патриарший боярин и глава патриаршего Разрядного приказа (с 1674 г.), был одним из ближайших людей Иоакима. Патриарх не только отпевал Ивана Федоровича 17 августа 1684 г., но, по словам Римского-Корсакова (в письме к Афанасию архиепископу холмогорскому и важскому), вспоминал о нем накануне своей кончины[65]. В начале 1680-х гг. в окружении Иоакима появляется и строитель соловецкой пустыни в Москве. Документ 1682 г. свидетельствует о сотрудничестве Игнатия с ближайшим человеком к патриарху - казначеем и знаменитым литератором Тихоном Макарьевским (прим 16), а в 1683 г. Римский-Корсаков получил значительное повышение, став архимандритом престижного Спасо-Ярославского монастыря. Близостью к кругу Иоакима ученый строитель был

обязан, по-видимому, своими глубоким познаниям в области церковных обрядов, позицией в разгоревшейся вскоре в Москве полемике против влияния "иноверцев".

Одним из плодов церковно-литературной деятельности Игнатия в начале 1680-х гг. стал перевод с латинского книги Г.Кассандра "О различных литургиях, и о уставе, и о чине вечери", с приложением "Чина мши латинской, сиречь литургии" (БАН, Арханг. 165, 4°). Она была описана А.Е.Викторовым в библиотеке Архангельской семинарии и отмечена в "Библиологическом словаре" П.М.Строева в рубрике "переводы сочинений, сделанные неизвестными лицами"[66]. Согласно записи на л.1 "197-го сия книга преосвященнаго Афанасия архиепископа колмогорскаго и важескаго, списана новоспасского монастыря у архимандрита у Игнатия Корсакова, будучи на Москве". - "Ради знания латинския бредни" - дописал своей рукой Афанасий. По почерку и бумаге рукопись относится к спискам сочинений Игнатия, сделанным в августе 1689 г. для его друга Афанасия при его личном участии[67]. Сомнения в авторстве Римского-Корсакова устраняются тем фактом, что в принадлежавшем А.Лебедеву сборнике XVII в. (полуустав, 4°) именно перевод латинской литургии открывал ряд религиозно-полемических сочинений Игнатия[68].

Перевод книги Кассандра преследовал двоякую цель. Во-первых, Игнатий хотел четко противопоставить греческие обряды латинским для удобнейшего "обличения латынников" (впоследствии эту работу продолжил по указанию патриарха Иоанникий Лихуд)[69]. Во-вторых, он специально интересовался чинами богослужений в связи с подготовкой к работе над Сводным чиновником патриарших выходов и служб за 1667-1679 гг. (РГАДА, Саровское собр. 237, л.151-228, автограф., черновик)[70]. Обобщив материал Чиновника 1667 г. (издан в Москве в 1677 г.) и патриарших чиновных записных книг[71], Римский-Корсаков между осенью 1684 и сентябрем 1686 гг. кодифицировал основные

богослужебные обязанности патриарха. Это, безусловно, свидетельствовало о том, что Игнатий пользовался большим доверием Иоакима.

Следующее сочинение Игнатия в Лебедевском сборнике было озаглавлено: "Благочестивыя святыя соборныя и апостольския восточныя церкви греческого православия от божественных писаний собранное Игнатием иеромонахом, Спасова Новаго монастыря архимандритом, на лютеранский катехизис возъобличение" (с.I). Оно не могло быть написано ранее 7 сентября I684 г., когда Римский-Корсаков получил перевод из Спасо-Ярославского в один из старейших и влиятельнейших московских монастырей (в котором начинал свою карьеру и патриарх Иоаким). "Верхнюю" границу написания "Возобличения" устанавливает связанное с ним "Слово на латин и лютеров" (третья часть Лебедевского сборника), направленное против строительства в Москве каменной "иноверческой" церкви. "Слово" с обычной для Игнатия точностью отмечает, что церковный подклет был уже возведен, но строительство не завершено. Строительство кирхи Старой купеческой (лютеранско-католической) общины в столице началось с разрешения В.В.Голицына 22 мая I684 г., а 26 января I686 г. в ней уже служили[72]. Такая датировка объясняет, кстати, и отсутствие имени царевны Софьи в обращении к государям: оно появилось в титуле в I686 г.

Необходимо учесть, что помимо сочинений, вошедших в Лебедевский сборник, Римский-Корсаков не возвращался к теме западного христиа тва. Скорее всего, создание перевода книги Кассандра и двух полемических памятников служило конкретной цели, наиболее ярко обозначенной в "Духовном завещании" патриарха Иоакима, значительная часть которого посвящена обличению и поруганию политики широкого привлечения "иноверцев" в Россию и снятия ограничений с неправославных культов, развернутой правительством Софьи и Голи-

цина. Сознавая невозможность полностью закрыть границы перед "иноверцами" (к ним относятся "латины, люторы, калвины и злобожные татары"), патриарх требовал от царей Ивана и Петра "под казнию накрепко" запретить им упоминать о своей вере, а православным - всякое общение с ними. Особенно яростно поносит Иоаким "молбища": костелы, кирхи, мечети и любые места, где "иноверцы" могли бы отправлять коллективные богослужения - все они должны быть подчистую разорены! Уже когда текст был закончен и поставлена дата, патриарх вновь напустился на молитвенные здания, заклиная запретить иноземцам строить костелы, кирхи и мечети[73].

Собранные в завещании воедино, эти обличения уже в середине 1680-х гг. громко звучали в проповедных словах, написанных для Иоакима его личным секретарем Карионом Истоминым. Одно из них, видимо, предназначенное для печати, призывало в заглавии: "Благоверный сие прочти не ленися, С иноверцы стать везде постыдися!" Ругательски ругая "иноверцев", слово требовало запретить в России отправление неправославных культов, угрожая, в противном случае, гибелью истинной церкви и государства, ибо от "единаго вреднаго овчате" развратится сонм "верных", как "мал квас все смешение квасит"[74].

В другом слове, "Грешат господа и обладатели", патриарх прямо обрушивается на неугодное ему правительство. Если власти, говорится здесь, не ревнуют по благочестии, "но паче церковь и духовных уничижают и противу их волностей и крепостей оправдающих творят; аще веры православныя не заступают, но на бога и церковь хулити во области своей попущают"; если они не препятствуют соблазну верных - можно и должно такие власти "возбранити, препону сотворити и казнити!" Тогда же для "обличения" назначений "иноверцев" на командные должности Истомин "подправил" своими комментариями 5-книжие Моисея[75].

Вступив в полемику осенью 1684 или в 1685 г., Римский-Корсаков в "Возобличении" старался показать, что его нападки на лютеран были непреднамеренны. "Во времени сем, - писал Игнатий, - случи ми ся видети книгу катихисис на языце российском изданную типографски от лютеровых еретиков во граде их еретическом Несвижу". Не увидеть этой книги, специально скопированной для патриаршей библиотеки[76], было мудрено. Автор выражает деланное удивление: "Егда прочтох написанная в ней - обретох онаго аретика люторска, хуляща вельми православныя догматы... А сего ради, по святей церкви ревнуя, ... избрах от божественнаго писания на злыя его люторских уст гнилыя плоды сбиение..." Игнатий чрезвычайно резко оспаривает лютеранские взгляды на иконопочитание, клятву, монашество и свободу воли: "нечестиво, окаянне, - пишет он, например, - еже отъемлеши самовластие от человеков"; "лжеши и в сем, преступниче, аще несть самовластия в человеце!"[77] Выбор наиболее острых вопросов и форма полемики свидетельствуют, что несвижский катехизис был лишь поводом для того, чтобы максимально дискредитировать лютеранство в глазах читателя.

Но кому же предназначалось "Возобличение"? Ответ кроется, по-видимому, в "Слове на латин и лютеров, яко в Московстем царствии и во всей Российстей земли не подобает им костела или керки еретических своих вер созидати". Автор обращается здесь к "некоему от первосоветников", рекомендовавшему молодым царям Ивану и Петру разрешить строительство "иноверческой" церкви, которое и ведется его "повелением", - то есть, как справедливо заметили Д.Цветаев и И.А.Шляпкин, к канцлеру В.В.Голицыну. По форме текст как бы воспроизводит личную беседу с правителем, в которой новоспасский архимандрит мягко указывал Голицыну на ошибочность его политики в отношении неправославных культов, подчеркивал их вредоносность,

опасность отмены вероисповедных ограничений для Российской церкви и умов подданных, указывал на пользу таких ограничений для русской торговли, процветания купечества и промыслов. В конечном итоге Игнатий старался убедить Голицына отменить разрешение на строительство храма Старой купеческой общины в Москве. Подчеркнуто уважительное отношение к канцлеру (столь отличное от грубых нападок на него в выступлениях патриарха) показывает, что возражения Римского-Корсакова против его политики диктовались принципиальной позицией новоспасского архимандрита в вопросе о свободе вероисповедания, а не стремлением нанести максимальный урон правительству регентства (постоянно присутствовавшем в действиях патриарха).

Как бы то ни было, в своем отношении к "иноверцам" Игнатий был солидарен с Иоакимом, который испытывал большое доверие к одному из группы глубоко ученых людей в своем окружении. Показателем этого доверия стало дело о митрополите смоленском Симеоне, претендовавшем на особое положение в церковной иерархии, особое облачение и т.п. Подготовка обвинительного заключения против Симеона была поручена двум наиболее ярким публицистам патриаршего окружения - Игнатию Римскому-Корсакову и Кариону Истомину. Вскоре после их возвращения из Смоленска митрополит был соборно осужден и лишен сана (1685)[78].

Сотрудничество новоспасского архимандрита с личным секретарем патриарха и крупнейшим русским поэтом ХУП в. продолжалось и в 1687 г., когда они выехали в Костромской и Кинешемский уезды для "обличения" старообрядцев (в рамках развернутой Иоакимом антираскольнической компании, в которой приняли участие также Дмитрий Ростовский и другие видные полемисты). Созданное по свежим следам событий "Известие о увещевании раскольников" сохранилось в подносной рукописи, предназначавшейся, видимо, для царевны Софьи Алек-

сеевны (БАН, П.I. А.80/I6.I6.7, 4^{0}, 26 л.), и в двух списках XIX в. (РГБ, Ундольского I383, л.98-122; Барсова 694, 30 л.), описанных Л.Б.Вороновой.

Как уникальный плод сотрудничества двух крупных писателей, это сочинение является важным историко-литературным памятником ХУП в. В нем очень живо описан ход полемики московских ученых публицистов с представителями староверов. Но, если отбросить обычные в полемической литературе обвинения противника в"невежестве", становится ясно, что составители "Известия о увещевании" не одержали убедительной победы в споре. Им не оставалось ничего иного, как только "власть употребить" и "закликнуть" стражей "раскольщика Тимошку", обвинив оппонента в том, что он говорил "укоризны превысочайшим лицам". Экспедиция Римского-Корсакова и Истомина в Костромской и Кинешемский уезды была одним из тех мероприятий, которые на деле укрепляли демократическую базу гонимого властями движения.

Итак, в середине I680-х гг. Игнатий выступает по некоторым внутренним вопросам как активный сторонник патриарха. Но значит ли это, что он был слугой, клевретом, рупором идей Иоакима, как до сих пор считалось в литературе и как подтверждают, на первый взгляд, приведенные здесь новые материалы? Постановка так го вопроса имеет принципиальное значение для понимания особенностей русской общественно-политической мысли в ХУП в., для оценки позиций, взглядо , содержания произведений многих писателей, публицистов, общественных и государственных деятелей "предпетровского времени". Упрощенные, однозначные представления о политических и церковных группировках и "партиях" до последнего времени мешали вглядеться в собственное "лицо" этих людей.

14*-112

Обратившись к широко известным сочинениям, мы обнаруживаем, например, что так называемые "латинствующие" выступали за изучение греческого языка; что среди "грекофилов" раздавались как требования сжечь на кострах все латинские книги вместе с их читателями, так и призывы к изучению латыни. Одни сторонники патриарха стеной стояли против проекта московской Академии - другие его приближенные (например, Карион Истомин, Боголеп Адамов) приветствовали этот проект. В то время, как Иоаким в проповедях, подготовленных по его заказу Истоминым, выступал против правительства, его внутренней и внешней политики, Карион от своего имени прославлял Софью, Голицына и Крымские походы, а в патриаршем летописном скриптории создавался памятник, высоко оценивавший эту политику. Не было полного "единомыслия" и в правительстве регентства, где всемогущему канцлеру не без успеха противостоял "ближний человек" царевны Софьи Ф.Л.Шакловитый[79].

Принадлежность к определенной группировке по положению в социально-политической структуре или по взглядам на определенный круг вопросов не исключала в это сложное "бунташное" время самостоятельных суждений, иных взглядов по другим проблемам. Это порождает еще один важный вопрос: какие именно взгляды или обстоятельства определяют принадлежность общественного деятеля и публициста к определенной группе? Из биографии Римского-Корсакова мы можем заключить лишь о его тесном сотрудничестве и личной связи с патриархом Иоакимом. Борьба Игнатия с расколом (будь то на Соловках или в Костроме и Кинешме), его выступление против католическо-лютеранского храма в Москве - не являются критериями своеобразия, присущего именно патриаршему кругу. Достаточно сказать, что столь верный сторонник правительства Софьи Алексеевны, столь яркий

противник Иоакима как Сильвестр Медведев,обличал раскольников и иных "еретиков", протестовал против привлечения иноземцев к государственному "совету", против введения в России "чуждих" обычаев - и, в противовес некоторым приближенным Иоакима, весьма корректно отзывался о патриархе[80].

Нам известно, что независимо от своего сотрудничества с Иоакимом, Римский-Корсаков поддерживал достаточно хорошие отношения с правительством регенства. Он не забыл лестно представить родоначальника Милославских в своей "Генеалогии". Вскоре после того, как новое правительство царевны Софьи, Милославской по матери, укрепилось у власти (к лету 1683 г.), положение рода Игнатия было восстановлено: "Во 191-м (1683) году июня в 1 числе по указу великих государей... велено им писатца по прежнему Римскими-Корсаковы... И по тому их великих государей указу тот их государской указ в Розряде записан и в боярских списках со 191-го по нынешний по 194-й (1686) год они... написаны Римскими-Корсаковы". Так новая фамилия окончательно утвердилась в Российском государстве[81].

Беседа с В.В.Голицыным, отраженная в "Слове на латин и лютеров", подтверждает близость новоспасского архимандрита к правительству, причем не только по должности. Содержание и тон обращения к канцлеру говорят об искреннем намерении Игнатия переубедить своего оппонента, добиться от него приемлемого решения вопроса об "иноверцах", не покушаясь на право правительства приглашать их на службу.

В 1687 г. Римский-Корсаков прямо засвидетельствовал свою приверженность правительству регентства. Видимо, 21 февраля он произнес речь перед средним и низшим командным составом московских полков, выступивших в 1 Крымский поход. 14 марта богато оформленный экземпляр "Слова благочестивому и христолюбивому российскому

воинству" был поднесен царевне Софье Алексеевне; в 1689 г. Афанасий, архиепископ холмогорский и важский, сделал с авторской рукописи еще один список[82]. "Слово" стало лучшим памятником русского ораторского искусства ХУП в. Содержание его подробно рассмотрено, текст опубликован (см.прим.32-33).

С политической точки зрения "Слово" Игнатия было прямым противодействием патриарху, произносившему свою речь в Успенском соборе. Выражая откровенную ненависть к "варварам махометанам", называя их "свиньями" и т.п., Иоаким акцентировал внимание на "страстях" войны, описанных заметно ярче вялого подтверждения необходимости вступить в сражение с "агарянами"[83]. Патриарх не мог прямо "обличить" политику правительства перед лицом всего двора, но делал это в других речах. В "Разсуждении о общении с проклятыми" он под угрозой отлучения запрещал воинам не только "дружество имети" со своими разноплеменными сослуживцами-"иноверцами", но и говорить с ними, есть вместе, даже омывать и хоронить их тела.

Словом на текст 20-й главы 5-й книги Моисея патриарх стремился посеять в армии рознь, прямо подстрекая православных воинов против "иноверцев" в своих рядах, в уста которых оратор вкладывал всяческие поношения на православие. Войну Иоаким объявлял не волей, но "попущением" бога (наравне с "гладом, или бедой, или знамением огня"). В походе, по его словам, "напастию стеснени.., да не надеющеся будем на себе или на иноверцев-еретиков, но на бога жива"; "иноверцы" же "гнев божий особно за свое их зловерство в людия божия привлекают".

Развивая тему "О уповании на бога", патриарх утверждал, что "люди мнимии вымышленники и в ратех храбрии, а верою еретики и христианской вере противники и ругатели явнии - не помощь ни в чем". Их присутствие в войсках предвещает поражение, от которого не спасет надежда "на силныя же цари, и непобедимыя кесари, и

князи" - на них "надежда полагатися не имат, зане человецы суть, в них же несть спасения". Слушатели могли уловить, что успех похода не слишком обрадовал бы патриарха, иезуитски разсуждавшего, что "многи вещи есть, в них же с ползою нашею мнимою - бываем побеждени". И действительно, патриарх вскоре поспешил объявить поход полной неудачей.

Не без его помощи разошлась молва и о поражении II Крымского похода. Не без удовлетворения коснулся этих ударов по правительству регенства Иоаким и в своем завещании: "Яко и нынешних лет, в Крымския походы, егда на крымских татар российския царския полки ходиша, аз смеренный о всем вышеписанном, яко старец сый, глаголах не обинуяся, учих, и молих, и доносих началствующим с молением и написании, еже бы еретикам-иноверцам над христианы в полках началниками не быти. И меня благородная государыня царевна София Алексеевна в том послушати тогда не изволила, такожде и князь Василий Голицын, вождь бывший в те походы царскаго пресветлаго величества премногих полков, не сотвори сего, - и что содеяся в полках, каковыя поступки быша, многим зримо бе и есть всем ведомо"[84].

В противоположность Иоакиму, Игнатий в своем "Слове воинству" горячо приветствует Крымский поход и безоговорочно предрекает войскам победу. Если патриарх ни разу не упоминал в своих проповедях имен Софьи или Голицына, то архимандрит приветствует их в первых же словах речи. Римский-Корсаков не упоминает о мнимых противоречиях православных и "иноверных" воинов русской армии, подчеркивая ее единство, единство всего Российского государства в священной борьбе с "агарянами"; он умеренно "подправляет" позицию патриарха, живописуя его вместе со всем освященным собором как неутомимого "о вас, мужественных, храбрых и... крепкоутвержденных

ратоборцах богомолца". Если речи Иоакима были перенасыщены требованиями детального соблюдения православных правил и ритуалов - то Игнатий о них не упоминает вовсе. Среди множества обещанных им от царского имени материальных и духовных наград воинам: земель, денег, чинов и чести, благодарности Отечества и близких, спасенных от бедствий войны, освобожденных народов и т.д., - не упоминается та, что обычно называлась первой: царствие небесное; даже те, кто, возможно, падет в бою, ободряются честью для рода и царским вспоможением их семьям.

Каждым словом публицист вдохновлял воинов на полную и окончательную победу в великой многовековой борьбе Руси с полчищами кочевников, христианства - с "бусурманами"-завоевателями, помогал увидеть поход против наследника Золотой Орды в контексте глобальных задач Российского государства - щита и меча христианских народов, средоточия правой веры, законнейшего наследника Константина Великого, освободителя попранной врагом Византии. Блестяще сочетая "высокий" и "низкий" стили, оратор то показывал, что за российской армией - все святое в этом мире и в вышнем - то говорил о "едва постижных" трудностях и тяготах похода, которые по плечу лишь "мужем крепким и храбрым", достойным настоящей славы, - и язвительно обличал "лежебок, иже болезни себе не сущыя притворили, помыслиша себе в сердце успокоение - истинно же рещи явное безчестие".

Речь Игнатия не была болтовней придворного оратора. Сам дворянин в прошлом, он отлично понимал бессмысленность праздничного словесного звона для людей, идущих в опасный и трудный поход. Напоминая о мощи русской армии, Римский-Корсаков не скрывал силу противника, говорил о предстоящей смертельной борьбе. Оратор подчеркнуто апеллировал к мужеству воинов. "Нетрудныя же вещи, малыя,

легкия, - говорил он, - недостойныя быти достоинства храбрых, и таковыя приличны суть лежебоком дома ним, не хотящим за православие и за врата дому изыти".

Задачей новоспасского архимандрита было дать командирам то чувство своей нравственной силы, то сознание духовной и исторической общности с героями многовековой борьбы за Отечество, которые побудили бы их всеми силами стремиться "отъяти днесь поношение Российское", заставили бы каждого сказать воинам перед лицом сильного врага: "Востанем за изгнания людей российских, и ополчаемся за люди православныя наши и святыя. Препояшемся и будем сыны сильных. Не убойтеся множества их, и стремления их не ужасайтеся! Воспоминайте убо, како господь бог подаваше российскому воинству на поганых татар дивную победу,... яко видевше противнии вашу дерзость, яко готови есте или жити, или умрети крепко, отбегут от лица вашего!"

Верное решение этой задачи Римский-Корсаков нашел в обращении к истории. "Слово, - озаглавил он свою речь в книге, - ... от божественных писаний и от царственных летописцов". Важнейшим источником "Слова" стала Степенная книга, дополненная библейскими примерами. В подтверждение справедливости своих суждений Игнатий дал точные ссылки на источники. В книжном варианте текста библейские цитаты приведены по гречески (из Септуагинты). Как и латинские цитаты в "Генеалогии", они сопровождались дословным переводом. Сс ки на источники были отделены от текста речи и проставлены на полях. Зная, что многочисленные списки Степенной книги имеют единообразное членение на степени и главы, автор нашел унифицированную форму точных ссылок на рукописный текст: "Степень 10, главы 2 и 4"; "Степень 1, главы 74"; "Степень 6, глава 50"; "Степень 13, глава 24"; "Степень 4, лава 50" и т.д. Именно такую фор-

му ссылок на полях использовал затем автор "Скифской истории", стоявший в феврале 1687 г. в рядах слушателей Игнатия[85].

Если в "Генеалогии" Римский-Корсаков предлагал славой предков поддерживать доблесть представителей отдельных родов - то в "Слове воинству" он обратился к историческим корням подвига во имя России, являя слушателям светлые образы ратоборцев, издревле проявлявших "дивную и мужественную храбрость" в сражениях с кочевниками. Игнатий рассказывал о подвиге князя Мстислава Васильевича Удатного, в единоборстве поразившего богатыря Редедю, о битвах с половцами князей Владимира Мономаха и Давида Святославича, о славных победах в Диком поле князей Всеволода Юрьевича, Владимира Глебовича и Святослава Юрьевича, о мужестве Дмитрия Донского, что "без сумнения скочив на подвиг, и напреди выеха, и в лице ста противу окаянному волку Мамаю".

"Все же оглавление писания сего таково, - говорил Римский-Корсаков, - яко да мужественно, храбрым и смелым сердцем, шествуете на поганыя татары, и яко да поревнуете прежде храбрствовавшим и преславное государство и царство Российския земли разширившым", как царь Иван Васильевич "приобрете с божию помощию к Российскому царствию царства татарския: Казанское, Астраханское и Сибирское", как царь Алексей Михайлович Малую и Белую Россию,"от многих лет польским кралем похищенную.., от уст зверя исторже".

С исторических позиций рассматривает Игнатий и "святых заступников" российского воинства. Так, ап.Андрей Первозванный должен, по его словам, выступить за россиян, раз в июле 1644 г. десница его была пренесена царю Михаилу Федоровичу в Москву. Ап.Павел, при жизни учитель и строитель церкви, на небесах поддержит новых ее защитников. Василий Великий "во святителях меч есть обоюдопосекателный на еретики и враги церкве христовой"- конечно же,

он поможет "тезоименному своему, царскому же верному слузе князю Василию, упросит у Христа бога... простерети меч на варвары махометаны и поженет их". Залогом святости ратного дела нынешних воинов называет Римский-Корсаков земную деятельность св.Петра митрополита во славу Москвы, св.Алексия митрополита, "не убоявшегося... ординских царей", св.Ионы митрополита и св.Ионы архиепископа новгородского, предрекших князю Василию Васильевичу, "яко ординские царие не имут одолети Российской державе".

Вдохновляющим примером в земной жизни был св.Филипп митрополит, "положивый душу за московския народы и не попустивый разделитися Российскому царствию". Видит Игнатий над российским воинством благословение св.Сергия, "иже древле молитвою своею вооружил великого князя Димитрия Иоанновича... татар победити". Трудно упрекать автора ХУП в. за смешение реальных событий с легендарными, когда он говорил, например, о небесной помощи св.князей Бориса и Глеба сроднику своему Александру Невскому "на неистовыя немцы". И св.князь Александр приведен в пример мужественной жизни, когда "отступника краля... сам уязви мечем в лице".

В связи с историческими событиями упоминает Игнатий в Богородицу, помогавшую Мстиславу Удатному и другим ратоборцам, которая "во время великого княжения... Василия Димитриевича" лично обратила вспять от российских пределов орды Темир-Аксака. Историческими примерами, которые воинство должно постоянно "в памяти имети", становятся и библейские события. Автор подробно доказывает, что российская армия во всем подобна Иисусу Новину, боровшемуся с Амаликом, Давиду, шедшему на Голиафа, Иезекие, выступившему против Сенахерима - "Тако убо достоит за божественную славу и царскую честь российским воинством храбрствовати, а не немужественным быти и в домех своих на боку лежати и тем хотети мужество

показати, - говорил оратор, - Без подвига бо никто же венчан бывает!" Бог с теми, кто сам хранит мужество, как показывают истории библейского пророка Елисея и др., русских князей и святых.

Специальный исторический экскурс автор предпринял для того, чтобы призвать российское воинство к освобождению Константинополя. Он рассказывает, как "царство ромейское, еже есть греческое, за многое время сих настоящих времен по части приношашеся в Россию" (от Владимира Святославича до "российских царей Романовых"), как еще при строительстве Константинополя явилось о том знамение Константину Великому, как предречена была миссия России св.Мефодием Патрским и Львом Премудрым, как современные греки устами Иоанникия и Софрония Лихудов взывают отвоевать "царей всея России отчинный их престол".

Римский-Корсаков высоко ценил "глубокий и неотъемлемый мир", о [illegible]м просил он господа. Но в то же время ясно давал понять слушателям, что ныне, по вине агарян, мира нет, что бусурманы "уничижают и бесчествуют" Российское государство, называя "любительные поминки" годовой данью, оскорбляя и мучая русских посленников, творя разбой на российской границе. И потому, прежде, чем просить мира, Игнатий просит бога покорить "мужественным, храбрым и крепким российским людем" "вся варварския языки, брани хотящыя". Он не сомневается в конечной победе.

По иному оценивал войну патриарх Иоаким. В слове на евангельский текст молитвы "Да будет воля твоя", с которым патриарх должен был тогда же, 21 февраля 1687 г., обратиться к полковым священникам, он собирался выразить явное неприятие этой войны, высказать сомнение в ее справедливости и исходе. Правительство, впрочем, сумело избежать еще одной патриаршей инсинуации: на чтение этого слова не было оставлено времени в церемонии отпуска

войск[86]. Зато Римский-Корсаков выступил вскоре перед огромным собранием войск за городом, вручая полкам икону Одигитрии.

"Слово к православному воинству о помощи пресвятыя богородицы" энергично и сжато развивало мысль предыдущей речи Игнатия. Оратор назвал российское воинство "новым израилем, родом избранным, царским священием, языком святым, людьми обновления", - то есть подлинными наследниками библейских "избранников". Они - "стена православия", уды и любимые чада великих государей Ивана, Петра и царевны Софьи, "копие господеви и царем христианским". Они - преемники и "ветхаго Израиля", побеждавшего врагов силой "кивота господня", и византийских императоров, успешно сражавших "нечестивых варваров"(готов, персов, сарацын, скифов и болгар) благодаря "пречюдной помощи" богородицы. Не ссылаясь в подносном экземпляре "Слова" на источники, автор в тексте говорит о тех, кто "ея пречюдной помощи со благодарствием хвалу восписуют".

Воспев могущество девы Марии от евангелия и византийской истории, Игнатий затем все ее заботы переносит на Россию. "Но вскую сицевыя истории воспоминаю всем вам добре сведущым, - говорил он, - яко всяк град и страна христианская ея святым стоит заступлением. Паче же, яко и само православное Великороссийское государство, жребий самыя богоматере, ея помощию разширися, ея пособием утвердися, ея хранением в своей крепости доселе пребывает и ея утверждением врагы своя и супостаты преславно побеждает". Принесенная от государей в полки Путеводительница - залог победного торжества над всеми супротивными.

Борьба с Оттоманской Портой и Крымским ханством приобретает в устах Римского-Корсакова характер священной войны. Но священная война для России - не то, что мусульманский газават или католические крестовые походы. Не завоевание мира или отвоевание святых

мест (и захват земель для себя) - а защита и освобождение от агрессоров определяет ее сущность. Российские войска идут "на лютыя честнаго креста господня ненавистники и на присныя всех христоименитых людей супостаты, разорители и мучители", своих жен и детей "от расхищения и плена агарянскаго предсоблюдающе", чтобы "от бога данным храбрством укротить стремление агарянское, воспятить лютое их на ны уготование и лукавыя их советы суетны и безделны сотворить".

"Дело же вам предлежащее, - говорил Игнатий, - есть дело не ваше, но дело божие, занеже о вере православней кафоличестей, о славе бога небеснаго, о свобождении церкве, лютое и нестерпимое от враг гонение страждущия, и о братии вашей во пленении агарянстем сущей, работою же паче египетския обремененней, имате подвизатися".

В отличие от "Слова воинству", "Слово о помощи богородицы" содержит и церковно-дидактические элементы. Игнатий требовал от воинов духовной чистоты, "ибо чистая голубица пресвятая богородица в нескверных обыче гнездах водворятися". Уверив ратоборцев в том, что "добронадежно есть, еже вам враги супротивныя победити и користьми их домы исполнити ваша", оратор призвал к воздержности от "лукавых делес" и молитвам. Впрочем, в отличие от Иоакима, спасение воинских душ Римский-Корсаков связывал не столько с их богомольностью, сколько со святостью их воинского труда, "ибо о божией ратующым славе яко победити есть славно, тако и умрети душе спасенно"[87].

В специальной работе я уже показывал, что слова Игнатия выражали не столько точку зрения правительства, сколько устремления российского дворянства и украинской старшины (отразившиеся также в летописных и эпистолярных источниках)[88]. Правительство ставило

перед армией более ограниченные задачи, чем захват Крыма или освобождение Константинополя. Но оно нуждалось в публицистике Римского-Корсакова, поддерживавшей южную ориентацию внешнеполитического курса Софьи, Голицына и Шакловитого. В панегирическом "Свидетельстве ко образу... Софии-Премудрости слова божия о Российском благословенном царствии" Игнатий показал, что хорошо понимает зависимость внешнеполитической активности России от состава ее правительства.

Панегиристику конца XVII в. нельзя рассматривать однозначно. Большинство "похвальных" сочинений создавалось искателями придворных милостей, тонко чуявших возвышение или падение "ближних предстателей": они наглядно демонстрируют нам расстановку сил у кормила власти. Но были среди панегиристов и такие люди, которые выступали во имя общественных интересов, нередко жертвуя собственной выгодой. Похвала государственному деятелю в трудный для него момент становилась не только средством моральной поддержки (например, похвальная рацея Медведева Софье летом 1682 г.), но и политической публицистикой. Тот же Медведев во время расцвета власти Софьи Алексеевны, когда ее наперебой хвалили искатели милости, обратился к ней лишь раз: чтобы добиться, наконец, учреждения московской Академии (1685). Но в 1688 и начале 1689 гг. он пришел на помощь слабеющей и уже покинутой придворными панегиристами царевне, прославив ее в "Созерцании кратком" и политической гравюре.

Сложившееся в литературе мнение, будто Римский-Корсаков принадлежал к сонму беспринципных придворных дельцов, не подтверждается источниками. "Свидетельство", содержащее наивысшую для всей панегиристики периода регентства оценку Софьи Алексеевны, было написано к 15 августа 1689 г. (предварительный вариант, воз-

можно, раньше), когда авторы похвальных сочинений давно уже адресовались к Петру и его приближенным, в решительный момент борьбы за власть "в верхах", во время вскоре повергнувшего царевну переворота (одним из инициаторов которого был патриарх Иоаким). Неизвестно, успел ли Игнатий публично прочесть свое сочинение, но нам доподлинно известно, что он его не скрывал: буквально в эти дни книжный, подписанный автором вариант "Свидетельства" был переписан для Афанасия - одного из видных сторонников Петра[90].

Темой панагирика Римский-Корсаков избрал весьма популярное в литературе толкование образа Софии-Премудрости слова божия в новгородской редакции (Христос на престоле с предстоящими). Сей образ невидимого божьего царствия знаменует, по мнению автора, видимое царство господа - Российское государство. Центр его - София-Премудрость - знаменует царевну Софью Алексеевну, держащую " скипетр самодержства и седящую на престоле отеческом царствия своего Российскаго". Это в высшей мере отвечало интересам сторонников царевны, участвовавших в подготовке ее коронации.

Орлиные крылья Софии-Премудрости знаменовали в панегирике теток Софьи, царевен Анну и Татьяну Михайловну, поддерживавших ее во дворце. Семь столпов престола Премудрости символизировали защиту царевной православия, а свиток в ее руке намекал на спасение Софьей патриарха Иоакима и всего освященнаго собора во время раскольничьего мятежа 5 июля 1682 г. Все же Российское государство либо предстояло царевне, либо окружало ее образ.

Предстоящая богородица с младенцем означала, по мнению Игнатия, всех цариц и царевен вкупе, утверждающих своими молитвами скипетр царствия. Предстоящий Иоанн Креститель являл собой царя Иоанна Алексеевича. Царь Петр был представлен камнем под ногами Софии - символом своего ангела, ап.Петра. Уничижение Петра было нас-

только очевидным, что, возможно, именно благодаря "Свидетельству" в конце ХУП в. к предстоящим на иконе стали добавлять фигуру ап. Петра[91]. Разумеется, Игнатий упоминал царей выше, в титуле, но и там не преминул заметить, что Софья Алексеевна правит, пользуясь лишь "советом братий своих".

Шесть восходящих к престолу ангелов олицетворяли в "Свидетельстве" шесть сестер царевны Софьи. "Все их великое самодержавное царство" виделось Игнатию облаком вокруг Софии, а бояре и царский синклит - окружающими ее звездами. К армии Римский-Корсаков был особо неравнодушен, - она составляла сияние Премудрости, она вправе была надеяться "за тое служение божия милости и их великих государей жалования". Такое соотношение политических сил, такое "царствование" есть величайшее дарование свыше всему государству, "всея Великия и Малыя и Белыя Россий обитателям", - заключал Игнатий свое смелое сочинение.

Как видим, Римский-Корсаков действительно пришел в столкновение с победившим вскоре петровским правительством, но не с Петром I и его преобразовательными намерениями, а с группировкой правивших его именем консервативных бояр, вплоть до смерти царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной не желавших делиться властью с молодым царем. После августовского переворота 1689 г. Игнатий не был репрессирован. До конца 1690-х гг. за восхваление Софьи Алексеевны официально не обвиняли. Правительство могло, конечно, инспирировать любые другие обвинения (как, например, против Сильвестра Медведева), но Римского-Корсакова хранила личная дружба с патриархом и большая заинтересованность Иоакима в его услугах. Спор о пресуществлении, поставивший под сомнение сам авторитет патриаршей власти, не завершился с арестом Медведева и ряда его сподвижников. Заточив Сильвестра со строгим указом "бумаги и чер-

нил отнюдь не давати", Иоаким остро нуждался в ученых союзниках, которые помогли бы дискредитировать медведевскую позицию в глазах общественности.

Нам неизвестно точно, какую позицию в споре занимал Игнатий до осени 1689 г., но вероятнее всего он был на стороне патриарха. С Медведевым, выражавшим сходные с ним взгляды по ряду политических вопросов, Римский-Корсаков, видимо, не сближался. С "Слове воинству" он высоко отзывался о братьях Лихудах - ставленниках Иоакима, начавших спор о пресуществлении и п[illegible]нявших на себя всю тяжесть защиты мнения патриарха. В пользу моего предположения можно толковать и тесное общение Игнатия с Афанасием - видным полемистом против медведевского мнения. Тем не менее, помимо участия Римского-Корсакова в словесном "увещании" Медведева, Саввы Долгого и, в более мягкой форме, митрополита Маркела (конец 1689 - 16[illegible] гг.), его участие в острой борьбе вокруг пресуществления ограничилось одобрением полемического "Щита веры" в послании к его создателю архиепископу Афанасию (к которому мы вскоре обратимся).

Кончина высокого покровителя Игнатия, последовавшая 17 марта 1690 г., вызвала к жизни серию сочинений, известных по публикации Н.П.Барсукова как "Житие и Завещание патриарха Иоакима". Авторство этого комплекса то целиком приписывалось Римскому-Корсакову, то ставилось под сомнение (например, Л.Б.Вороновой). Атрибуция сочинений, дошедших в списках РГБ, Беляева 29/1535 и ТСЛ-П № 14, значительно облегчится, если мы последуем указаниям Н.П.Барсукова, четко разделившего опубликованный им сборник на отдельные сочинения.

Само "Житие" (в публикации с.1-44) было написано в Новоспасском монастыре (где Иоаким долгое время жил). Издатель предположил, что "автор Жития, инок Новоспасского монастыря, и вместе

иконописец, был близким человеком к патриарху; поэтому об его жизни, особенно же в бытность Иоакима келарем Новоспасского монастыря, передает много живых подробностей" (с.УП-УШ). Действительно, автор наибольшее внимание уделяет Новоспасскому монастырю. Но касаясь бытности Иоакима патриархом, он не только традиционно хвалит его за строительство и освящение церквей и милостыню, но отмечает и политические успехи: принятие под свою руку Киевской митрополии (выведение которой из-под власти константинопольского патриарха было крупной дипломатической победой Софьи) и отстаивание запрета иноверцам присутствовать в православных храмах во время службы (с.35-39). О том, что автор "Жития" был не простым иноком, говорит его дружеское общение с боярином М.П.Головиным (который доверительно "поведал ми... рече мне", - пишет автор, с.39, 43).

Текст, на основании которого Н.П.Барсуков сделал автора "иконописцем", помещен не в самом "Житии", а в следующем за ним "Послании архиепископу Афанасию". Автор "Послания" приводит некое "видение", подтверждающее, по его мнению, что после смерти "святейший Иоаким патриарх аще и где положен будет, но духом уже с нами есть (в Новоспасском монастыре. - А.Б.), его же молитвы аз непотребный призывая, егда подписывах стенописания украшения в Спасове монастыре во алтаре: повеле изографом - и подписаше подобие его со святейшими московскими патриархи близ св. трапезы на столпе" (с.87-88). Как видим, говоря "подписывах", автор имел в виду руководство изографами. Лишь сам архимандрит мог приказать им еще при жизни изобразить Иоакима на видном месте в ряде канонизированных патриархов.

"Послание" тесно связано с "Житием", являясь как бы его продолжением. В "Житии" патриарху приписано всего одно "чудо" и рас-

сказ не доведен до его кончины. "Послание" устраняет эти недостатки, подробно описывая последние дни жизни Иоакима и происшедшие в это время "чудеса". Язык и общая направленность повествования не дают оснований приписывать эти сочинения разным авторам. Обратившись же к содержанию "Послания", мы легко убедимся, что оно принадлежало руке Римского-Корсакова.

В начале "Послания" автор вспоминает о своих встречах с Афанасием в Москве, после которых архиепископ прислал из Холмогор уже два письма; автор же "по настоящее сие время не получих времени таковаго, дабы ко опреосвященству вашему воздравствовати и писание восписати". Нам наверное известны два человека, сочинения которых Афанасий переписывал в Москве летом 1689 г. и с которыми мог состоять в личной переписке: это Игнатий и Истомин. Но крайне маловероятно, чтобы быстрописательный Карион посмел не ответить вовремя на первое же послание высокопоставленного лица - и даже не счел нужным за это извиняться. Сходное положение мы видим и в показателях близости автора "Послания" ко двору. Он свободно рассказывает о своих беседах с патриаршим боярином И.М.Глебовым, о визитах к патриарху посланца царевны Софьи и боярина К.П.Нарышкина, об обстоятельствах кончины Иоакима и избрания патриарха Адриана, радует своего корреспондента сообщениями о хорошем приеме, оказанном в Москве его новой книге "Щит веры" и "о исповеданиях рукописных, поданных от новых схизматиков" (Медведева и Долгого). Но автор чувствует себя во дворце более уверенно, чем мог позволить себе знаменитый, но вышедший из простонародья поэт и чудовский иеромонах Истомин, например: Перед кончиной Иоакима, говорит автор, был "аз грешный, списавый сия, во граде Кремле, и видех входящих и исходящих из Крестовой палаты святейшаго патриарха печальных оних же и плачущих, и вопросих: "Чесо ради печаль сия вам бысть?" (с.66).

Сам вопрос указывает на человека, пришедшего в Кремль извне, а не живущего бок о бок с патриархом, как Истомин. Автору не только ответили, но немедля провели к постели умирающего. Он долго дружески беседовал с Иоакимом и обещал выполнить его просьбу - похоронить в Новоспасском монастыре. Ниже рассказывается о том, как автор отстаивал это желание патриарха перед другими архиереями, повторяя, что Иоаким хотел упокоиться "зде, во обители Спасове" (с.77-78, 84). Эти наблюдения позволяют с полной уверенностью атрибуировать "Послание" (и, вероятно, "Житие") Игнатию, архимандриту новоспасскому.

Но и Истомин вспомнился нам не напрасно. Далее в обоих рукописях помещено "Духовное завещание" патриарха Иоакима, известное и в отдельных списках (прим.II). Как и следовало полагать, черновик его принадлежит руке Кариона, личного секретаря патриарха, включившего этот текст в свой сборник; ему же принадлежат следующие далее стихотворная и прозаическая эпитафии Иоакиму (аналогично патриарший секретарь сопроводил в последний путь и Адриана)[93]. Игнатий написал лишь завершающие рукопись стихи "Над гробом в таблице написано" (РГБ, Беляева 29, л.96 об.-97) - сильно уступая Кариону в стихотворном мастерстве, он явно превзошел его авторитетом среди утверждавших надписание иерархов.

Таким образом, Игнатию не следует приписывать злобные "обличения" правительства регентства, которые Иоаким наговорил своему секретарю на смертном одре, дабы они во всеуслышание были прочтены над его гробом (с.I4I). Напротив, в "Послании Афанасию" Римский-Корсаков уверяет, будто перед смертью патриарх с радостью узнал о невиновности Софьи в заступлении "за некоих человек, противящихся царствию" (Шакловитого с товарищами) и "разрешил" ее от церковного отлучения (с.63-64). Сочинения Игнатия объединяет с завещанием

Иоакима лишь отраженное в нем желание патриарха быть погребенным в Новоспасском монастыре. Оно не было принято освященным собором, но способствовало желанию Игнатия укрепить славу своего монастыря, добившись канонизации Иоакима. Для этого и создавались после избрания Адриана 24 августа 1690 г. сборники с "Житием", "Посланием" и дополнявшими их сочинениями.

О взаимоотношениях новоспасского архимандрита с новым патриархом известно, что Игнатий поддерживал его кандидатуру на довольно бурном освященном соборе, борьбу на котором он описал в "Послании Афанасию" (с.98-101). Неизменную позицию занимал Игнатий и в светской политике. Подтверждением этому служит поднесенное царям незадолго до кончины Иоакима в том же 1690 г. "Слово избранно от божественных писаний и от повестей отеческих о Российском царствии" (БАН, П.I.А.10, 8^{0}, 56 л.). Игнатий лично переписал свое сочинение, украсил его многочисленными греческими цитатами и уснастил учеными маргиналиями. Похоже, он рассчитывал, что изящная книжица с золотым обрезом, в малиновом бархатном переплете, станет постоянным спутником одного из царей: иначе трудно объяснить необычную для панегириков и традиционную для записных книжек XVII в. форму рукописи в длинную 8^{0}.

По литературной форме "Слово избранно" - панегирик. Его тема - блаженное состояние Российского государства под властью двух царей-соправителей. Автор вспоминает многочисленные "предречения", толкует имена Ивана и Петра Алексеевичей, весьма живо "похваляет" их личные достоинства (Петр, например, высок, красив, ловок, храбр, воинственен и т.д.), настойчиво призывает их жить в мире и согласии. - После переворота 1689 г. напоминать об этом было небесполезно, но не для панегириста: реальные правители отнюдь не желали "теплого содружества" молодых царей и еще менее могли по-

благодарить автора за пожелание Ивану и Петру объединиться для самостоятельного правления государством.

Но в своем "Слове избранном" Римский-Корсаков далеко вышел за рамки обычного панегирика. Быстро перейдя от евангельских сюжетов к русской истории, автор глубоко разрабатывает тему борьбы Руси с "бусурманами". Он вновь обращается к одному из использованных в "Слове воинству" сюжетов - видению Кирилла Новоезерского, предрекшего Российскому государству возвышение - а ордам падение. Фигурировавшие в этом видении отроки - "храбрый" и "умиленный" - это, по мнению Игнатия, два государя, Иван и Петр, воцарение которых знаменует близкое свершение древнего пророчества. Но главный враг уже не Крымский хан, а Османская империя, султану которой была якобы предречена гибель еще в связи с рождением Ивана Алексеевича: эти сведения Игнатий получил от иерусалимского патриарха Досифея (с которым действительно был связан).

Сплетая апокалипсическое представление о борьбе двух всадников (по "Слову" - Петра с султаном) с интереснейшим анализом международных отношений во второй половине ХУП в., автор обосновывает необходимость и способность России в союзе с другими членами Священной лиги нанести смертельный удар по османским завоеваниям в Европе. Но стоявшее у власти боярское правительство не желало воевать - и особенно на юге, куда были устремлены интересы широких кругов дворянства. Нельзя сказать, что Игнатий этого не понимал. Учитывая настроения членов правительства, он приводит в своем сочинении и предречение шведскому королю, который должен весьма опасаться двух российских государей. Однако главную, неотложную задачу Римский-Корсаков полагает в активном завершении войны с Османской империей, и не отступает от своей позиции, несмотря на явно обструкционистскую политику нового правительства.

15-112

Поскольку новоспасский архимандрит, очевидно, не считал нужным молчать о своих убеждениях, возведение его в сан митрополита сибирского и тобольского можно рассматривать как почетное удаление из столицы. Вырванный из активной политической жизни России, Игнатий получил, отчасти, утешение, приобретя рукопись законченной в 1692 г. "Скифской истории", фундаментально обосновавшей его взгляды на историю и насущные задачи внешней политики России[93]. Не забывал Игнатия и Карион Истомин. Уже к 1697 г. митрополит смог продолжить создававшийся под его началом писцами тобольского Софийского дома летописный свод (из Синопсиса, Степенной, уникального летописца за II пол. XVI в., Нового летописца, сказаний и грамот XVII в.), прославлявший активную борьбу России с внешними неприятелями (в особенности с "бусурманами"), собранной (и в значительной мере сочиненной) Карионом "книжицей" торжественных грамот Петра I и патриарха о победах русской армии в Азовских походах[94].

Можно предположить, какие известия из Москвы, свидетельствовавшие победе "нового" внешнеполитического курса (почти на столетие сохранившего ослабленного, но злобного соседа России в Крыму), заставили Игнатия бросить свою епархию и неожиданно объявиться в Москве - чтобы быть немедленно обвиненным в "сумасшествии".

Активная деятельность Римского-Корсакова в Азии, простиравшаяся до Пекина, где он открыл православную церковь, поиски руд и новых сибирских святых, введение новой церковной организации (и даже отлучение от церкви провинившихся воевод) - свидетельствует о том, что и весьма преклонные годы были не властны над его деятельной натурой. В публицистических трудах Игнатия этого времени отмечу лишь два момента. Это обращение к сугубо историческому подходу к проблеме раскола в окружных посланиях, где доказательство "инородности" "старой веры" для Сибири обосновано глубокими исто-

рическими экскурсами (до конца XV в.), тщательно прослеженными биографиями, маршрутами поездок и даже родословием "расколоучителей" (прим.3). Второе - это распространение представлений о "богоизбранности" российских самодержцев, пропагандировавшихся в прежних сочинениях Игнатия, на всех представителей царской власти. Обобщенно выражая в послании 1697 г., как и во всех своих "гражданских" сочинениях, позицию служилых феодалов - опоры утверждающегося российского абсолютизма - Римский-Корсаков доказывал, что в почитании воевод "не токмо государь царь, но и бог почитается", что "несть бо власть, еже есть воевода". Блестящее использование публицистических приемов в последнем известном нам сочинении Игнатия, написанном "в первопрестолном царствующем граде Тобольске... свима архиерейскима руками" (прим.30), говорит о том, что и в глубокой старости писатель не утратил остроты ума и таланта.

Творчество Игнатия Римского-Корсакова - представителя передовой исторической мысли, внесшего немалый вклад в развитие русской литературы, яркого публициста, последовательно отстаивавшего дворянские позиции, видного участника борьбы с расколом и иностранными влияниями, оригинального стихотворца, одного из образованнейших людей своего времени, оставившего заметный след в агиографии, музыке, истории церковного ритуала и переводческой деятельности - является важным явлением в истории общественно-политическо мысли и культуры России 60-90-х гг. XVII в.

1 Новиков Н./И./ Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772 // Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 38.

2 Евгений /Болховитинов/ . Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Изд.2-е, М., 1827. Т.I. С. 194-197.

3 Послания блаж. Игнатия митрополита сибирского и тобольского, изданные в Православном собеседнике. Казань, 1855.

4 Филарет /Гумилевский/. Обзор русской духовной литературы. 862-1720. Харьков, 1859. С. 365-367.

5 Рукопись была списана А.Е.Викторовым (Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 246-247) и В.Георгиевским (Флорищева пустыня. Вязники, 1896. С. 191), но не поступила вместе с другими в ВСМЗ.

6 Строев П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Под ред. А.Ф.Бычкова. СПб., 1882. С.112-113, 165.

7 Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877, ст.144, 317, 338.

8 Абрамов Н.А. Игнатий Римский-Корсаков, митрополит сибирский и тобольский. 1692-1700 // Странник, 1862. Т.II, № 4, отд.I. С.157-167.

9 Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С.346-347.

10 Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С.523-524.

11 Оно публиковалось отдельно в ДРВ. М., 1774. Т.VI. С.111-139 (по рукописи ГИМ, Син. 422. Л.18-30 – подлинник с подписью) // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. М.,1858.

Т.П. С.467-477 (по рукописи БАН 83).

12 Барсуков Н./П./ Житие и Завещание святейшего патриарха московского Иоакима // ОЛДП, М., 1879. Т.47.С.УП-УШ; с.I и далее; второе изд. см.: ПДП, 1880. Вып.П.

13 Лебедев А. Полемическое сочинение ХУП века против латинян // ЧОИДР, 1884. Кн.3. Отд.2. С.I-IУ, публ. текстов на с.I-32.

14 Цветаев Д. Из истории иностранных исповеданий в России в ХУI и ХУП веках. М., 1886. С.214-236 (цит.с.214).

15 Шляпкин И.А. Св.Димитрий Ростовский и его время (1651-1709). СПб., 1891. С.168-175.

16 Документ был приведен И.А.Забелиным: Материалы для истории, археологии и статистики г.Москвы. М., 1862. Т.I. С.371.

17 И.А.Шляпкин ссылается здесь не на П.М.Строева, а на доклад Н.В. Покровского (ПДП, СПб., 1885. Т.57. С.33-34, Толкование образа Софии-Премудрости божией // Христианское чтение, 1891. Ч.I.Январь-июнь. С.523-526).

18 Бычков А.Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки.СПб.,1882. Ч.I. № 147.

19 "Дело" Белободского сохранилось в черновых и беловых автографах Медведева (РГБ, МДА, Фунд.68; ср. списки: ГИМ, Син.I, ркп. 9; Син.371, 596, 346 и др.). "Дело" опубл.: ЧОИДР, 1884. Кн.3. Отд.I. С.196-245 (цит.с.197, 203, 205; ср.с.215-219).

20 Ср.: Gordon P. Tagebuch... Moskau=St.Petersburg, 1851, Bd.2. Th.3. S.309, 311.

21 Подробнее см.: Ключевский В.О. Указ.соч. С.340-341; Барсуков Н.П. Источники русской агиографии... С.41-43 (указаны также списки жития РГБ, МДА, Фунд. 349; Рум.407; Унд.1212; РНБ, Вяземского 50; БАН; списки службы: ГИМ, Син.622; Барс.216). Канон Анне Кашинской был написан Епифанием Славинецким (Филарет. Обзор... Т.I. С.331, 338).

22 Подлинники следственного дела о мощах Анны Кашинской и акта освященного собора см.: ГИМ, Син.П, ркп.I7.Л.266-3I0; Син. 684/983. Л.38I-4I5.

23 Игнатий Римский Корсаков. // Русский биографический словарь. СПб., I897. Т.8. С.47-48.

24 Оглоблин Н.Н. Библиотека сибирского митрополита Игнатия, I700 г. // Библиограф, I892. № 8/9. Отд.I. С.286-29I; № I0/II. С. 335-337.

25 Сибирские летописи. СПб., I907. С.XXШ-XXIУ.

26 Вешняков В. Повесть известная и свидетельствованная о проявлении св.мощей и отчасти сказание о чудесах святаго и праведнаго Симеона Верхотурскаго чудотворца. Пг., I9I6; Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. СПб., I908. Вып.I. С.2I7-227.

27 Шляпкин И.А. Указ. соч. С.26.

28 Лихачев Н.П. "Генеалогия" дворян Корсаковых. // Сборник статей в честь Д.Ф.Кобеко. СПб., I9I3. С.II3-II4.

29 Костюхина Л.М. Книжное письмо в России ХУП в. б.г.,/М./.С.69.

30 В основу издания положен список первой половины ХУШ в.(ИРЛИ, Перетца I07.Л.58-7I) не содержащий, по мнению Н.А.Дворецкой, изменений, характерных для списков томской редакции Сибирского летописного свода, использованных в разночтениях. См.:Дворецкая Н.Ф. Послание митрополита Игнатия в Красноярск I697 г. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, I975. С.I6?-I76. Ср. ее же: Сибирский летописный свод (вторая половина ХУП в.). Новосибирск, I984. С.76-77, 94, 96-99.

3I Дворецкая Н.А. Послание... С.3I.

32 Памятники общественно-политической мысли в России конца ХУП века (литературные панегирики). Подготовка текста, предисловие и комментарии А.П.Богданова. Под ред. д.и.н. профессора В.И.Буганова. М., I983. С.3I-33, тексты и комм. №№ I5, I6, 32.

33 Богданов А.П. "Слово воинству" Игнатия Римского-Корсакова – памятник политической публицистики конца XVII в.// Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С.131-158.

34 Богданов А.П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е.Забелина // Русская книжность XV-XIX вв. М., 1989. С.183-209.

35 Белоброва О.А., Богданов А.П. Игнатий Римский-Корсаков // ТОДРЛ, Л., 1986. Т.40.

36 А.П.Богданов. "Генеалогия" и ее автор (Игнатий Римский-Корсаков) // Чистякова Е.В., Богданов А.П. "Да будет потомкам явлено..." Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С.86-102.

37 Воронова Л.Б.: 1) Игнатий Римский-Корсаков как писатель // Тезисы докладов молодых специалистов. Новосибирск, 1979; 2) Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С.185-201.

38 Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С.146-189.

39 Шашков А.П. Сибирский митрополит Игнатий и "дело" Иосифа Астомена // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С.36-49.

40 Ср.: Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. СПб., /1893/; родословная роспись 1687 г. в РГАДА, ф.210, оп. 18, № 38.

41 РГАДА, ф.210, БК-1. Л.244; БК-2. Л.242 об.

42 РГАДА, ф.210. Московский стол. Ст 878. Л.50; Ст.898.П. Л.205, 207; Ст.858.1. Л.82; Ст.846.1. Л.263; Ст.95. Л.49.

43 РГАДА, ф.210. БК-3. Л.191, 305; БК-4. Л.355; БК-5. Л.289; РИБ, СПб., 1886. Т.10. С.122, 375. 385, 466; РГАДА, ф.210. Московский стол. Ст.357, 366, 379.Л.

44 Вскоре после создания пустыни этому событию была посвящена повесть Макария Вороных (РНБ, Толстова 168. Л.149 и след.).

45 Строев П.М. Списки иерархов... Ст.622 и др.

46 По новой пагинации см:Л.I-I7 об., I56-I63 об., I76-I97 об. Другой, более беглый вариант почерка см.: Л.I8-I55, I64-I75 об. Листы I8 А - I8 А об., 97 об. - чистые. На л.I98-I99 об. - попытка восстановить текст, бывший на ветхих, утраченных ныне листах, скорописью ХУШ в.

47 В сборник вошли жития: Л.I-6 об. Симеона Столпника (неполное, по старой пагинации л.3-6, без начала и конца); Л.5-I0. Харитона Исповедника (неполное, ст.паг.I0-I5); Л.I0 об.-I7 об.Иоанна Римского (нет листа между л.I0об-II, ст.паг.I5-I7; текст ст.паг.I5 об.-23); Л.I8-64 об. Саввы освященнаго (ст.паг.2-49); Л.65-93 об. Феодосия Великого (нет конца, ст.паг.50-79 об.); Л.94-97. Павла Фивейского (ст.паг.8I-84); Л.98-I03 об. Иоанна Кущника (нет конца, ст.паг.85-90 об.); Л.I04-I25 об. Макария Великого (без начала, ст.паг.92-II4 об.); Л.I26-I55 об. Евфимия Великого (нет листа между л.I47-I47, ст.паг.I36; ст.паг. II5-I45 об.); Л.I56-I63 об. Онуфрия Великого (вставное, нет ст. паг., нет конца); Л.I64-I75 об. Петра Афонского (ст.паг.I47-I58 об.); Л.I76-I97 об.Афанасия Афонского (нет л. между л.I93 и I94, ст.паг.I77-I78; ст.паг.I59-I82 об.; нет конца).

48 Игнатий использовал бумагу № I - герб Амстердама с контрамаркой МРВ в картуше, сходна с Хивуда 424 - I667 г., Черчилля 8 - I663 г. (л.I-I7, I56-I63) и № 5 - Голова шута 4 типа с литерами СВ (в две линии), сходна с Гераклитова I362 - I665 г. (л.I75-I97). Остальные писцы пользовались бумагой № 2 - Голова шута 4 типа с контрамаркой RL, сходна с Гераклитова I334 - I658 г., типа I329-I330, I335 - I656-I659 гг., типа Диановой 42I-422, 424-425 - I645-I66I гг. (л.I8-22); № 3 - Голова шута I типа, сходна с Клепикова, ст.2, 69 - I667-I668 гг. (л.23-7I,

74-76, 8I-93, 97-99, I03, I06-I09, III-II2, II4-I25, I27-I28, I30-I3I, I33, I35-I55, I69, I7I); № 4 - Орел двуглавый с лилией под короной, близкие типы с двумя коронами у Гераклитова I25-I40 - I628-I647 гг., у Диановой I024-I026 - I628-I647 гг., более сложный тип у Диановой I027-I028 - I670-I680 гг. (л.72-73, 77-80, 94-96, I00-I02, I04-I05, I26, I29, I32, I34, I64-I68, I70, I72-I74).

49 См.Л.2 об., 5 об., 9, I3, I5 об., I6, I9 об., 22, 23, 27 об., 30 об., 32-35, 39 об., 40 об., 45-46, 48-48 об., 50 об.-5I, 54 об.-55 об. и т.д.

50 См.: Срезневский В.И., Покровский Ф.И. Описание рукописного отдела Библиотеки АН. СПб., I9I0. Отд.I. Т.I. С.223-224.

5I О военных действиях на Украине и в Приазовье в I673-I675 гг. см.: Бантыш-Каменский Н.Н. История Малой России. Изд.3-е. М., I842. Ч.2. С.I3I-I4I; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., I96I. Кн.УI.С.449-498 и др.; Костомаров Н.И. Руина. Гетманство Брюховецкого, Многогрешного и Сагайдачного. / Собр. соч., СПб., I905. Т.ХУ.С.229-269; Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, I980. С.7, 76-86.

52 Запорожцами в ХУП в. называли и все левобережное казачество, однако поскольку автор ни разу не упоминает гетмана и старшин, он явно обращался к запорожцам-сечевикам.

53 ГИМ, Чуд.99/30I (сборник Кариона Истомина), л.355-365 об.Беловой список. Филигрань Лев в гербовом щите под короной, типа Каманина и Витвицкой 5I5-5I9 - I67I-I68I гг. Текст опубл. Сильвестром Медведевым в сб."Вечеря душевная", М., I680.Л.94 и след.

54 Загоровский В.П. Указ. соч. С.8I.

55 Строев П.М. Списки иерархов... Ст.62, 622; Богданов А.П., Буганов В.И. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М., I99I. Гл.6: Соловецкие сидельцы. С.229-367.

56 Оно было взято в Приказ тайных дел (РИБ, СПб., 1907. Т.21.Ст. 83, 470).

57 Запись в ЕК-7 отмечена в литературе (Лукичев М.П. Боярские книги ХVII века // СА, 1980.№ 5). В сохранившихся боярских списках 1677 и 1678 гг. соответствующие лица также именуются Римскими-Корсаковыми (ЦГАДА, ф.210, оп.I. №№ 15 и 16).

58 РГАДА, ф.210, оп.9. Московский стол. Ст.674. Л.797-802, 856-857.

59 РГАДА, ф.210. оп.18. Столбцы родословных росписей. Ст.39.Л.I-10; ср.: там же. Ст.38. I л.; ГАРФ, ф.728. № 27. Л.94 об.-96 (опубл. Н.П.Лихачевым. Указ.соч. С.105-106, 100-101).

60 В рукописи восемь видов бумаги: I) л.I-2, 101, 104 - Голова шута 4 типа - типа Диановой 474, 477 - 1678, 1685, 1687 гг.; 2) л.2 А, 97-100, 102-103 - герб Амстердама с литерами ЕР - сходен с Диановой 127 - 1678 г.; 3) л.3-4 - Семь провинций с литерами АI и контрамаркой PR; 4) л.6-7 - Голова шута 4 типа с контрамаркой BD - типа Диановой 445 - 1673-1676 гг.; 5) л.8-10 - Голова шута 4 типа с контрамаркой PD - шуты этого типа с литерами PD отмечены у Диановой 508 - 1673-1674 гг. и 514 - 1685 г.; 6) л.II-20, 24-26 - герб Амстердама - типа Диановой 138 - 1673, 1676, 1678 гг.; 7) л.21-23, 37-38, 91-96 - герб Амстердама с литерами AI и контрамаркой AI - типа Диановой 157 - 1678, 1682, 1683 гг., сходен с филигранью № 3 рукописи РГАДА, ф.181, № 366 - конец 1670-х - начало 1680-х гг.; 8)л.28-36, 39-58, 60-90 - герб Амстердама с контрамаркой PBI (лигатура) - близок типу Диановой 157 - 1678, 1682, 1683 гг.. типа филиграни № 2 рукописи ГИМ, Син.576 и филиграни № I рукописи РГАДА, ф.181, № 351 - вторая половина 1670-х - начало 1680-х гг. Л.59 без знака.

61 Иван Ильич служил с 1663 г. по свою кончину в 1680 г.(РГАДА,ф. 210, Мос.стол. Ст.812.Л.280; Ст.850-Ш.Л.119; Ст.846.Л.488; Ст. 523.Л.593-594; Оп.2. № 25.Л.503).Сын его Петр не служил.Младший

внук Игнатия Андрей в 1694 г. жаловался на своего крестьянина, а в 1697-1700 гг. отмечен среди жильцов (РГАДА, ф.396, оп.1, ч.30. Ст.47252. Л.29; ф.210. Московский стол. Ст.1039. Л.155; Ст.1045. Л.429, 466, 467). Лишь Юрий Иванович, отличившись в Азовских походах, в 1696 г. вышел в стольники (БК-II. Л.332; ф.210. Московский стол. Ст.987. Л.430).

62 Кроме Игнатия, в роду Римских-Корсаковых известен еще один постриженник - Иосиф, с 1694 г. архимандрит московского Высокопетровского монастыря, с 18 сентября 1698 г. - митрополит псковский и изборский (ум. в январе 1717 г. - Строев П.М. Списки иерархов... Ст.380 и др.).

63 Богданов А.П.: 1) Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г.// ПКНО-1982. Л., 1984. С.45-52; 2) Диалектика конкретно-исторического содержания и литературной формы в русском панегирике XVII века // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэзии и критики. Махачкала, 1988. С.48-64.

64 Богданов А.П. К полемике конца 60-х - начала 80-х годов XVII века об организации высшего учебного заведения в России // Исследования по источниковедению ИССРДП.М.,1986. С.177-209.

65 Андрей Лызлов. Скифская история. М., 1990. С.355; РГАДА, ф.210. Московский стол. Ст.440. Л.506; Московский некрополь. СПб., 1908. Т.2. С.195; Барсуков Н.П. Житие и Завещание...С.58.

66 Викторов А.Ф. Указ. соч. С.22; Строев П.М. Библиологический словарь... С.392.

67 Запись на л.1 сделана главным писцом Афанасия (его почерк см. также в БАН, Арх.173, л.4-36, 37-62 об., 64-66, 67-140; Арх. 178, л.1-149; Арх.201, л.1-86; Арх.227, л.1-64, 104-110). Время, место и источники переписки устанавливаются по записям этого писца на рукописях БАН, Арх.201, л.1 и Арх.202, л.1. Текст сочинения скопирован вторым писцом, списавшим также рукописи БАН,

Арх.201, л.69-86 об.и Арх.202, л.8-56 об. В рукописи использовано 3 вида бумаги: 1) л.1-VIII, 1-94, XI-XVII - Семь провинций с контрамаркой PVL (лигатура) - сходна с Вурна 85 - 1689 г., тождественна бумаге № 2 в рукописи БАН, Арх.178 (л.4-33, 67-70, 73-136) и бумаге № 1 в Арх.201 (Л.1-IV, 2-68, IX-XIV) этого же времени; 2) л.95-98 - голова шута 4 типа с контрамаркой IG (в две линии) - сходна с Хивуда 2033 - 1687 г.; 3) л.99-116, IX-X - герб Амстердама с контрамаркой PVL (лигатура) - сходна с Диановой 139 - 1679-1695 гг. и Вурна 47 - 1683 г., тождественна бумаге № 3 в рукописи БАН, Арх.201 (л.69-86, V-VIII),Арх.178 (л. 34-66, 71-72) и Арх.202 (58 л.).

68 Другие сочинения: История о Флорентийском соборе и История о белом клобуке,- были приписаны в сборник скорописью (Лебедев А. Указ. соч. С.1).

69 См.. БАН, 16.3.13, статьи на л.120-132 об., 133-137, 137 об.-142, 142 об.-144; и др.

70 Подробнее см.: Памятники... С.22, 43.

71 Часть их сохранилась в Синодальном собрании ГИМ, №№ 423/693 (ноябрь 1666 - сентябрь 1674 гг.), 425/696 (1675 - 1682 гг. с отсылками на казусы 1673-1674 гг.), 93/697 (1682-1683 гг., с дополнительными статьями), 428/694 (1683-1684 гг.), 426/695 (1684-1687 гг., с дополнительной статьей 1693 г.). Использованные частично в сочинениях И.Е.Забелина и Н.Писарева о "домашнем быте", эти уникальные источники о событиях при дворе не нашли пока своего исследователя.

72 Цветаев Д. Указ.соч. С.232, ср.с.234-235.

73 Барсуков Н.П. Житие и Завещание... С.120-124, 136-138.

74 РГБ, Тихонравова 634, л.102 об.-106 (автограф Истомина; ср.

также л.96 об.-102 об. - слово против иноверцев на текст "Приидите чада, послушайте мене", Ис.33). Черновики этих слов см.: ГИМ, Чуд.98/300. Л.101-105 об. Там же, л.117-122 об., помещен черновик большого слова против иноверцев на русской службе.

75 РГБ, Тихонравова 634. Л.107 об.-108.

76 ГИМ, Син.374, 4°, 265 лл. (рукопись 1680-х гг); ср. Син.698.

77 Лебедев А. Указ. соч. С.1, 7, 9.

78 Подлинник соборного деяния см.: ГИМ, Син.П/992, ркп.19. Опубл. Н.П.Поповым (Смоленская старина. Смоленск, 1916. Вып.1). Обличительную грамоту и слово Иоакима на Симеона см.в черновиках Истомина: ГИМ, Чуд.302. Л.146 А - 146 А об., 169-173 об.

79 Ср.:Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г.//Россия в период реформ Петра I. М., 1973; Богданов А.П.: 1) Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // ИОИ, 1981. М., 1982; 2) К полемике конца 60-х - начала 80-х годов ХУП века об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1986; 3) "Хронсграфец" Боголепа Адамова // ТОДРЛ, Л., 1987.Т.41; и др.

80 Прозоровский А.А.: 1) Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). СПб., 1896; 2) Сильвестра Медведева "Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве" //ЧОИДР, 1894. Кн.4. С.1-197; и др.

81 РГАДА, ф.210, оп.9. Московский стол. Ст.674. Л.801, 857. Ср.: БК-10. Л.124, 146, 392; оп.18. Столбцы родословных росписей. №№ 38, 39; оп.9. Московский стол. Ст.243. Л.801, 839; Ст.469. Л.36; Ст.533. Л.462; Ст.551. Л.62, 199, 267; Ст.566. Л.125;Ст. 574. Л.30; Ст.590. Л.65, 67, 68; Ст.596. Л.129; Ст.611. Ч.Ш.Л.

188; Ст.615. Л.144; Ст.622. Л.575; Ст.633. Ч.П.Л.115; Ст.657. Л.243, 1075; Ст.673. Л.354, 613; Ст.690. Л.122, 193; Ст.699.Л. 283; Ст.723. Л.513; Ст.728. Л.21, 512, 771; Ст.746. Ч.IX. Л.9; Ст.754. Ч.IУ.Л.2; Ст.775. Л.495; Ст.932. Л.123; Ст.933. Ч.I. Л.162; Ст.936. Л.46, 48, 52, 80; Ст.973. Л.429; Ст.987. Л.424, 430; Ст.1013. Л.190, 280; Ст.1017, Л.396; Ст.1039. Л.65, 155, 156; Ст.1043. Ч.УI. Л.11; Ст.1044. Л.825; Ст.1045. Л.221, 429, 466, 1138, 1199; Ст.1057. Ч.I. Л.16; Ст.1167. Ч.Ш. Л.I, 8, 14; Ст.1171. Л.226; Приказный стол. Ст.1075. Ч.У. Л.54-59; Севский стол. Ст.427; Ст.381. Ч.I; ф.396. Архив Оружейной палаты. Оп.I. Ч.30. № 47252. Л.836; Дворцовые разряды. Т.IУ. Ст.246, 412; ДАИ. Т.IX. Ст.175; и др.

82 Памятники... № 15 (публикация и комментарий).

83 Там же. № 12 (текст Кариона Истомина).

84 РГБ, Тихонравова 634. Л.106-107 об., 108-111; ГИМ, Чуд.98/300. Л.107-115 об., 117-122 об., 131-134; и др. Ср. слова и грамоту патриарха на П Крымский поход: ГИМ, Чуд.98/300. Л.53-54 об., 60-61, 329-331; Барсуков Н.П. Житие и Завещание... С.131-132 (цитата на с.ХУШ неверна).

85 А.И.Лызлов специально просил направить его в полк В.В.Голицына (в котором служили и многие его родичи) и прошел с ним оба Крымских похода, также, как ранее оба Чигиринских похода. В ноябре 1686 г. он закончил свой перевод книги "Двор цесаря турецкаго", завершив его призывом к решительной борьбе с османскими завоевателями (ГИМ, Син.460 и др. списки). Это сочинение он включил позже в "Скифскую историю".

86 Памятники... № 13 (публикация и комментарий).

87 Там же. № 16 (публикация и комментарий).

88 См. прим.33, ср.: Богданов А.П. "Истинное и верное сказание" о I Крымском походе – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных памятников по истории русского средневековья. М., 1982. С.57-84.

89 Подробнее см.: Богданов А.П.: I) Литературные панегирики как источник изучения соотношения сил в правительстве России периода регентства Софьи (1682-1689 гг.). // Материалы ХУП ВНСК. История. Новосибирск, 1079; 2) Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г.// ПКНО, 1982. Л., 1984; и др.

90 Памятники... № 32 (публикация и комментарий).

91 Филимонов Г. София-Премудрость божия. // Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М.,1874. № I.

92 ГИМ, Чуд.98/300. Л.311-312; Чуд.100/302. Л.87 Б, 163 (автографы, черновики; с записью о предполагаемой иконе Иоакима); Чуд. 88/290. Л.139 и сл., 161 об. и сл. (автографы, беловики). Ср. Завещание и эпитафии Адриану: Чуд.100/302. Л.90 Б об.-91 об.; Чуд.98/300. Л.63 об., 143, 447; и др.

93 См.: Оглоблин Г. Дело об "Истории скифской" // ЧОИДР, 1904. Ч.Ш. Смесь. С.II и сл.

94 ГИМ, Забелина 263 (подлинник). Ср.: ГИМ, Чуд.98/300. Л.339-340, 351-3[illegible] об. (автографы Истомина, черновики); РГБ, Тихонравова 634. 185-212 об. (его же автографы, беловики); и др.

Подп. к печати 18 · I 1994 г. ф.п.л. 15,5 Тираж 400

Типография «Нефтяник» Зак. № 112